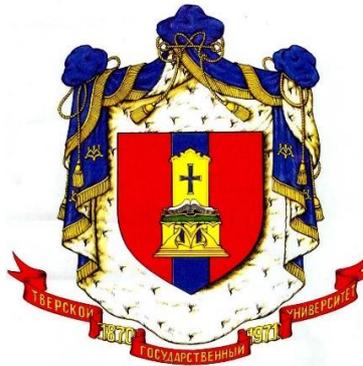

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

ВИКТИМНОСТЬ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

*Материалы круглого стола по дисциплине «Психология
отклоняющегося поведения»*

16 мая 2019 г.

ТВЕРЬ 2019

УДК 159.923(082)
ББК Ю93-81.я431+ю957.322
В43

Редакционная коллегия:

Т.А. Жалагина, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Психология труда и клиническая психология», декан факультета психологии ТвГУ

Л.А. Становова, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология», заместитель декана факультета психологии ТвГУ по учебной работе

В43 Виктимность и виктимологическая профилактика: Материалы круглого стола по дисциплине «Психология отклоняющегося поведения». – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – 71 с.

В сборнике содержатся материалы круглого стола по дисциплине «Психология отклоняющегося поведения», состоявшегося 16 мая апреля 2019 г. на факультете психологии Тверского государственного университета.

Материалы представлены в редакции авторов.

Представленные материалы могут быть полезны специалистам в области психологии, гуманитарных наук и образования.

УДК 159.923(082)
ББК Ю93-81.я431+ю957.322
В43

© Авторы статей, 2019
© Тверской государственной
университет, 2019

Содержание

Азаданов С.Д., Терехова А.В. Причины виктимблейминга по отношению к жертвам сексуального насилия	4
Бобровская А.А. Виктимность как форма девиантного поведения: критический подход	7
Евсейчик В.А. Треугольник Карпмана. Трансактный подход в понимании виктимности	10
Егорова А.В. Меры виктимологической защиты детей в различных жизненных ситуациях	13
Ератина Е.А., Ефремова В.А. Психологические особенности женщин с виктимным поведением в семье	16
Константинова С.С. Факторы, определяющие виктимность личности	21
Константинова С.С. Психологические особенности виктимной личности	25
Конуркин И.С. Особенности виктимизации личности в сектах-убийцах	29
Конуркин И.С., Шибко А.Н. Социально-психологические особенности личности террориста	35
Конуркин И.С., Шибко А.Н. Вторичная и третичная виктимизация несовершеннолетних жертв преступлений в медиа-пространстве: проблемные аспекты	40
Кузнецова К.О., Валиева Н.С. Японская анимация как фактор виктимизации подростков и юношей	45
Ларионова Е.А., Ткачева Д.Е. Виктимная социализация личности	49
Скупейко А.А., Мельникова А.Ю. Факторы, влияющие на психологическое состояние жертвы	52
Соловьева Е.А. Буллинг: педагог в роли «жертвы»	56
Шаповалова В.Г., Карташила Г.М. Теоретический анализ влияния структурной деформации семьи на формирования виктимного и других видов отклоняющегося поведения у детей	61
Шибко А.Н. Осанка как один из показателей виктимности личности	65

*Азаданов С.Д., Терехова А.В. – студенты II курса, направление «Психология», Тверской государственной университет, г. Тверь,
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.*

Причины виктимблейминга по отношению к жертвам сексуального насилия

В российском обществе проблема отношения к жертве сексуального насилия всегда носила неоднозначный характер не только в правовом поле, но также и в медиа пространстве, и в ежедневных бытовых обсуждениях вопроса. С одной стороны, преступления на сексуальной почве порицаются обществом как одни из самых тяжких, а с другой принято переносить ответственность за преступление с преступника на жертву, обвиняя ту в провокации или неосмотрительном поведении. Так, по данным ВЦИОМ, 44% опрошенных россиян считают, что жертвы сексуального насилия зачастую сами провоцируют нападение, 13% не могут дать оценку или воздерживаются [ВЦИОМ]. Таким образом, меньше половины россиян связывают совершение преступления сексуально-насильственного характера с ответственностью насильника, а больше половины перекладывают вину на жертву насилия.

На Западе проблема обвинения жертвы рассматривалась, начиная с проведённой в 1966 году серии экспериментов Мелвина Лернера и его коллег [3, с. 473]. Один из экспериментов представлял собой следующее: испытуемые наблюдали за тем, как другой человек (актёр) при неверном ответе на вопросы экспериментатора получал болезненные разряды электрического тока. На протяжении эксперимента и наблюдения за жертвой, имитирующей боль, испытуемым предлагалось оценить жертву. Если в начале эксперимента испытуемые проявляли сочувствие и жалость к актёру, то к концу эксперимента в большинстве случаев испытуемые меняли мнение и начинали обвинять жертву. Они высказывали предположение, что боль заслужена, тем самым проявляя антипатию. Так, люди, не сумевшие скомпенсировать страдания жертвы сочувствием и жалостью, начинали приписывать ей негативные черты.

Лернер и его коллеги пришли к выводу, что одного лишь наблюдения за тем, как наказывают ни в чем не повинного человека, достаточно, чтобы он начал казаться менее достойным. Это означает, что люди индифферентны к социальной несправедливости не потому, что их не заботит вопрос справедливости вообще, а потому, что они ее не видят. Они убеждены, что жертвы насилия, вероятно, вели себя провоцирующе [3, с. 474].

Когнитивное искажение, выявленное Лернером, получило название веры в справедливый мир. Так, в экспериментах Лернера испытуемые при обвинении жертвы стремились поддерживать свою веру в справедливый мир, поскольку эта концепция предполагает, что плохие события происходят только с плохими людьми, заслуживающими наказания. Этот феномен рассматривается как одно из проявлений перцептивной защиты. Действие веры в справедливый мир призвано

оградить индивида от восприятия угрожающих ему стимулов и стимулов, травмирующих его переживания [1 с. 156].

Идеи Лернера получили своё развитие с изданным в 1971 году трудом американского психолога Уильяма Райана, работавшего в области криминологии и виктимологии. В книге «Blaming the Victim» Уильям описал понятие victim blaming как «возложение полной или частичной ответственности за совершенное преступление (несчастный случай, любой вид насилия) на жертву правонарушения или несчастья» [7, с. 43]. Также он определил причины происхождения виктимблейминга, выделив в качестве основной описанный выше феномен веры в справедливый мир.

Также одной из причин виктимблейминга принято считать фундаментальную ошибку атрибуции - неверное приписывание признаков, в частности, по гендерному признаку. Так, очень велика вероятность того, что сексуально агрессивные мужчины неправильно истолкуют общительность женщин. Такие ошибочные атрибуции приводят к изнасилованию во время свидания и способствуют развитию тенденции оправдывать изнасилование провоцирующим поведением жертвы. Ошибочная атрибуция также помогает объяснить, почему американок (23%), которые говорят, что их вынудили вступить в нежелательные сексуальные отношения, почти в восемь раз больше, чем американцев [3, с. 101].

Другая причина виктимблейминга кроется в несоответствии сформированному средствами массовой информации и массовой культурой образу «идеальной жертвы». В 1986 году Нильс Кристи описал «идеальную жертву» следующим образом: «особа или группа индивидов, которые, пострадав от преступления, с большей вероятностью получают полное и законное право считаться жертвами» [НИЛЬС]. Принято считать, что для жертвы характерны слабость, сломленное психическое состояние, жалобный вид. Как только жертва сексуального насилия перестаёт соответствовать образу, она лишается права жалости и наделяется негативными чертами.

Отечественная психологическая наука обратила своё внимание на феномен виктимблейминга достаточно недавно, и пока что проблема обвинения жертвы не подвергались серьезным монографическим исследованиям. В качестве основного направления изучения исследуется природа данного феномена в рамках гендерных исследований и виктимологии. Так, Г. В. Антонов-Романовский и А. А. Лютов. отмечают актуальную в российской виктимологии, связанную с виктимблеймингом, проблему придания криминологического (виктимологического) значения таким сторонам поведения потерпевшего, которые фактически не могут способствовать совершению преступлений. Например, не очень убедительны в этом плане приводимые российским криминологом В. С. Минской утверждения: «Одним из показателей нравственного облика несовершеннолетних и молодых (до 23-х лет) незамужних потерпевших можно считать факт вступления ими до совершенного преступления в половые связи с мужчинами». Таким образом, нет никаких оснований трактовать «сексуальную испорченность» как криминогенный фактор. Виктимологический же анализ изнасилований, как полагают Г. В. Антонов-

Романовский и А. А. Лютов, сводится к выявлению ряда негативных черт поведения жертв и отождествлению их с факторами, провоцирующими насилие. Они находят причину обвинения жертвы в ошибочном толковании социальной сущности событий, которые проистекают из-за отсталых житейских представлений и взглядов взаимоотношениях полов [2 с. 14-15].

Проявления виктимблейминга отмечаются даже в организациях, призванных помочь жертве. Так, в правоохранительных органах и центрах медицинской и психологической помощи жертвы сексуального насилия часто встречаются с ретравматизацией. Жертв подвергают повторной виктимизации, задавая вопросы об их поведении, стиле одежды, сексуальной жизни - вопросы, которые предполагают виновность жертвы [4, с. 639].

Следует подчеркнуть важность развития исследования виктимблейминга, поскольку в реалиях современного мира выявление причин данного феномена может пролить свет на возможность эффективного снижения вероятности обвинения жертвы и травли, тем самым сохранив и без того уязвимое психическое здоровье жертв сексуального насилия. Также освещение проблемы виктимблейминга позволяет открыть пути для увеличения информированности общества о причинах осуждения жертвы и сформировать более осознанное отношение к феномену травли.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. — Издание второе, перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2000 — 288 с.
2. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилования: причины и предупреждение: Пособие. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. — 192 с.
3. Майерс Д. Социальная психология / Перев. с англ. — СПб.: Питер, 1997. — 688 с
4. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. - СПб.: Питер, 2018. — 832 с.
5. Насилие. Безнаказанность. Возмездие? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115864> (дата обращения 30.03.2019 г.)
6. Christie, N. (1986), In Fattah, E. (ed.) From Crime Policy to Victim Policy: Reorienting the Justice System, London: Macmillan, p.18
7. Ryan, W. Blaming the Victim. / W. Ryan – NY: Pantheon Books, 1971

*Бобровская А.А., студентка II курса, направления «Клиническая психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент
Ребрилова Е.С.*

Виктимность как форма девиантного поведения: критический подход

Проблема изучения виктимности и виктимного поведения на данный момент бесспорно является одной из наиболее актуальных для исследования в современной психологии. В настоящее время у широкой общественности, психологического и юридического сообществ нет четкой позиции относительно вопроса принадлежности виктимности к формам девиантного поведения, однако многие известные писатели и ученые в своих работах касались темы виктимности.

К примеру, среди литературных произведений, освещающих такое явление как виктимность следует выделить романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», новеллу Франца Верфеля «Не убийца, а жертва виновата», «Причину» Леонарда Франка.

Среди ученых тему виктимности в своих работах поднимали Ф.Т. Джас, А. Фейербах, Э. Сазерлэнд, А. Фаттах, А.В. Аллен, Ганс фон Гентиг и Бенджамин Мендельсон. Менделеев Б. рассматривал виктимологию уже как отдельную научную дисциплину и определил понятие виктимность как склонность индивида становиться жертвой преступления [6].

Сейчас в западном научном виктимологическом сообществе данный термин используется очень редко, так как он подвергся острой критике, в связи с тем, что допускает факт того, что совершенное преступление неким образом связано с поведением жертвы. Однако данный термин все еще широко применяется в позитивистской и российской виктимологии, что и вызывает бурный интерес прогрессивной общественности к данной теме.

В психологии под виктимностью понимают устойчивое личностное качество, отражающее способность индивида становиться жертвой внешних обстоятельств и активности социального окружения. Это понятие подразумевает предрасположенность личности становиться жертвой в нейтральных для других условиях взаимодействия [7].

Социальные отклонения (девиации) — это нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной распространенностью, устойчивостью и массовостью [9].

Виктимизация в свою очередь представляет собой процесс приобретения виктимности [4].

Виктимность как форма отклоняющегося поведения впервые была рассмотрена Л.В. Франком. Он предлагал к рассмотрению три подхода к трактовке данного термина: философский, социологический и универсальный. Философский подход подразумевает свойство живой материи становиться жертвой преступления в определенных исторических условиях; социологический подход подразумевает отклонение от норм безопасности в активности личности

или социальной группы, ведущей к повышенной уязвимости жертвы к социально-опасным проявлениям; универсальный подход рассматривает виктимность как способность становиться жертвой, реализующаяся в социальных, психологических и моральных отклонениях от норм безопасного поведения. Так же виктимность как форму девиантного поведения рассматривали такие ученые как Г.И. Шнайдер, В.П. Полубинский, В. А. Туляков [8].

Психологи выдвигали гипотезу о том, что виктимное поведение – вид девиации, приобретенный в процессе социализации. Если принимать данную гипотезу за истину, то можно сказать, что типы виктимного и преступного поведения передаются из поколения в поколение. Таким образом, все типы виктимного поведения создаются культурой общности. Изменение и преобразование данных форм поведения напрямую зависит от изменений материальных и социальных условий жизни общества [8].

В научной литературе существует несколько классификаций виктимной предрасположенности. Продолжая идею Л.В. Франка, В.П. Полубинский выделял четыре вида виктимности:

1. Индивидуальную, в которой учитываются свойства индивида, служащие в определенных ситуациях условием для совершения преступлений с причинением данному индивиду определенного вреда;

2. Видовую, которая выражена в склонности людей, становится жертвами некоторых видов преступлений в связи с определенными обстоятельствами;

3. Групповую заключающуюся в общей для некоторых категорий людей, с общими социальными, демографическими, психологическими, биофизическими и иными свойствами «повышенной способности», становится жертвами преступлений;

4. Массовую представляющую собой риск для отдельной части людей по причине наличия у них определенных качеств являться объектом для нанесения физического, морального и материального ущерба от преступлений. Она включает в себя три компонента:

- совокупность потенциалов уязвимости, реально существующей у населения в целом и отдельных его групп (общностей);

- деятельный, поведенческий компонент, который выражен в совокупности актов опасного для действующих индивидов поведения (позитивного, негативного, толкающего на преступление или создающего способствующие условия);

- совокупность актов причинения вреда, последствий преступлений, т.е. реализации виктимности, виктимизации (виктимность – результат) [1, 2].

Д.В. Ривман привел следующую классификацию виктимной предрасположенности на основе характера и степени выраженности личностных качеств человека:

1. Универсальный тип характеризуют явно выраженные личностные черты, определяющие их высокую потенциальную уязвимость в отношении различных преступлений.

2. Избирательный тип – люди, характеризующиеся повышенной уязвимостью в отношении определенных видов преступлений.

3. Ситуативный тип – люди, обладающие средними показателями выраженности виктимности, чаще всего они становятся жертвами в результате стечения определенных обстоятельств, опасность которых оказалась для них непреодолимой.

4. Случайный тип – люди, которые стали жертвами в результате случайного стечения обстоятельств.

5. Профессиональный тип включает людей, виктимность которых определяется их профессиональной занятостью.

Выделяют так же два конститутивных типа виктимности: личностную и ролевую [4].

Если рассматривать виктимность как девиацию, стоит подчеркнуть важность наличия страха перед преступностью как основную форму ее проявления на индивидуальном и групповом уровнях.

Страх понимают как эмоцию, связанную с ситуациями, в которых возникает угроза социальному или биологическому существованию индивида, направленную на источник реальной или воображаемой опасности [3].

Боязнь преступности, в отличие от элементарных правил предосторожности, в большинстве случаев, иррациональна и приводит к истерической или панической реакции, состоянию ступора и агрессивнo-шизоидным фобиям [4].

Также в криминологии встречается понятие «виктимогенный потенциал», включающее индивидуальную и групповую виктимизацию в определенной ситуации, непосредственно сам процесс виктимизации, виктимологическую стимуляцию и функциональный механизм соотношения «жертва-преступник». С данной точки зрения каждый человек может быть воспринят как виктимный, потому что, в определенных жизненных обстоятельствах и ситуациях может становиться жертвой преступления, таким образом он просто не может быть не виктимным. Следовательно качества, которые составляют данный виктимный потенциал воспринимаются как объективные лишь с точки зрения взаимодействия между человеком и средой в контексте адаптационной реакции [5].

Таким образом, по результатам проведенного анализа литературы можно прийти к выводу о том, что виктимность представляет из себя свойство личности или групп людей становиться жертвой преступления в некоторых жизненных ситуациях на основании их личностных качеств, стечения обстоятельств, биологических особенностей и профессиональной занятости. Данная позиция подразумевает то, что любой человек рассматривается как виктимный. Исходя из этого на наш взгляд критика данного термина в зарубежном научном сообществе является обоснованной, так как приписывание жертвам преступлений определенного личностного свойства можно рассматривать как попытку оправдать преступника или агрессора за счет перекладывания вины на жертву.

Следовательно, рассматривать виктимность как форму отклоняющегося поведения нельзя, так как данное личностное свойство представлено в той или иной степени выраженности у каждого человека.

Список литературы:

1. Алауханов Е.О. Криминология. Учебник. – Алматы, 2008. – 429 с.
2. Барановский Н.А. Введение в виктимологию: учебно-методическое пособие. – Минск: БИП-С, 2002. – 102 с.
3. Большой психологический словарь. / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: АСТ, 2008. – 868 с.
4. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. – СПб.: – ПИТЕР, 2018. – 832 с.
5. Матусевич А.М., Кубышко Л.В. Психологические аспекты виктимности. // Молодой ученый. – 2014. – №8. – с. 924-927.
6. Ривман, Д.В. Криминальная виктимология: учебное пособие. – СПб.: – ПИТЕР, 2002. – 304 с.
7. Социальная психология: Энциклопедический словарь. / Л.А. Карпенко, под ред. А.В. Петровского, М.Ю. Кондратьева; – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 176 с.
8. Милевич А.С. Факторы виктимизации предпринимателей малого бизнеса (Вопросы теории и результаты исследования) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://monographies.ru/en/book/section?id=12498> (дата обращения: 22.04.2019 г.)
9. Тигунцева Г.Н. Психология отклоняющегося поведения: учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://biblio-online.ru/bcode/413662> (дата обращения: 22.04.2019 г.)

*Евсейчик В.А., студентка III курса, специальность «Клиническая психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.*

Треугольник Карпмана. Трансактный подход в понимании ВИКТИМНОСТИ

Человек с самого детства испытывает потребность в сенсорных контактах. В трансактном подходе для обозначения физического контакта использует термин «поглаживание». В более широком смысле «поглаживанием» можно назвать любой акт признания одного человека другим. То есть поглаживание – это основная единица социального действия. Обмен поглаживаниями составляет транзакцию, основную единицу социального взаимодействия [2].

Для нормального социального взаимодействия и функционирования в обществе люди используют ритуалы. Они позволяют придерживаться приемлемых правил поведения и общения на уровне социальной программы, в конкретном обществе. По мере того, как люди лучше узнают друг друга, начинает

действовать индивидуальная программа. Последовательность действий, подчиняющуюся индивидуальным, а не социальным программам, называют играми. Четкое подчинение правилам и наличие выигрыша отличает игры от других видов человеческой деятельности [1].

Социальный контакт выгоден людям, так как он позволяет сохранить физическое и психическое равновесие. Выгода может выражаться в освобождении от напряжения, устранении психологически опасных ситуаций, получении «поглаживаний» и поддержании достигнутого равновесия. Однако игры являются подменой реальной жизни и реальной близости.

Важность изучения игр состоит в том, что участие человека в играх препятствует развитию у него независимости, которая включает в себя [2]:

1. Осознание настоящего, которое представляет собой способность видеть мир по-своему, а не так, как принято.

2. Спонтанность. Она означает свободу от принуждения играть в игры и возможность выбора чувств, которые хочется испытывать.

3. Близость, которая представляет собой спонтанное, свободное от игр откровенное поведение человека, который искренне живет в настоящем и осознает все происходящее.

Согласно взглядам С. Карпмана все многообразие ролей, которое лежит в основе игр, может быть сведено к трем основным [3]:

- Персонаж, играющий роль жертвы
- Персонаж, оказывающий давление, принуждающий или преследующий жертву — преследователь
- Спасатель, который вмешивается, как кажется, из желания помочь жертве.

Наименее очевидная роль из вышеуказанных – это роль Спасателя. Спасателем обычно называют того, кто помогает кому-то в чрезвычайной ситуации. Однако в условиях треугольника спасатель имеет смешанный или скрытый мотив, который на самом деле эгоистично выгоден Спасателю. Мотив же решения проблемы является поверхностным.

Часто Спасатель играет свою роль из-за стремления избежать фокуса на свои собственные тревожные и скрытые чувства. Помимо этого, Спасатель может участвовать в треугольнике из-за заниженной самооценки. Таким образом он хочет поднять собственную ценность в своих глазах. При этом некоторые Спасатели спасают даже тех, кто в этом совершенно не нуждается (такое спасательство тесно связано с нарушением личных границ того, кого пытаются спасти), вступая таким способом в созависимые отношения и страдая от своего спасательства. Для данных персонажей характерно постоянное чувство вины, самобичевание, обращенность на проблемы других людей в ущерб себе.

Причины такого поведения часто уходят корнями в детство человека, в его отношения с родителями. Он спасает всех вокруг, желая получить одобрение со стороны своих реальных родителей или внутреннего Родителя. Такое поведение является безрезультатной попыткой стабилизировать свою самооценку и самоценность, хотя в действительности его самооценка не может быть постоянной, так как Спасатель устойчиво находится в низкоресурсном состоянии.

Это наиболее опасная из трёх ролей, так как ее сложнее прорефлексировать, чем все остальные, ведь на первый взгляд такой человек часто может казаться просто великодушным и эмпатичным.

Следующая роль – это роль Жертвы. Ее характерной особенностью является нежелание брать на себя ответственность.

Она убеждена в своей неспособности к самостоятельной жизни и всегда ищет Спасателя, а также часто привлекает себе Преследователя, потому что на самом деле, неосознанно она не хочет выходить из своего пассивного положения, не желает, чтобы ее спасали по-настоящему, так как не хочет быть ответственной за свою жизнь. Если Жертве предлагается совет для разрешения её проблемы, она сразу же отвергает его, так как считает свои проблемы неразрешимыми. Из-за отказа от ответственности такие виктимные личности часто страдают различными зависимостями: алкогольной, наркотической, зависимостью от еды и т.д. Это также является некоторым жестом самоотречения, вверения себя другим людям, так как человек с зависимостями, не может полноценно о себе позаботиться.

Роль Жертвы связана с постепенной деградацией личности, так как сама она перекладывает ответственность с себя на своего Спасателя и отказывается вести полноценную осознанную жизнь.

Для роли Преследователя характерно стремление властвовать над другими людьми, доминировать над Жертвами, даже буквально нападать на других людей. Часто эту роль играют те, кто подвергся насилию в детстве. Подсознательно такие люди испытывают очень глубокое чувство стыда и беспомощности, которое они пытаются подавить, преследуя других. Они также не берут на себя ответственность за причинение боли другим, так как считают, что те люди заслужили подобного отношения. Обычными действия Преследователя являются запугивания, многочисленные нравоучения, угрозы и открытые конфликты.

Преследователь своим поведением пытается компенсировать свою бесполезность и ненужность, проецируя её на своих Жертв. Такие люди часто не осознают того, кем они являются, так как чувствуют себя жертвами.

Смена ролей часто происходит таким образом: Преследователь находит виновного человека (Жертву) и начинает его обвинять или наказывать. Затем Жертва доказывает свою невиновность, обвиняя при этом самого Преследователя, и ищет своего Спасателя, демонстрируя ему свою беспомощность и страдания. Спасатель старается помочь Жертве и защитить ее от Преследователя, но, поскольку это только игра в спасение, а настоящих мотивов помочь у него нет, то он ничего не добивается. За это Жертва обвиняет Спасателя, после чего он превращается в Жертву преследования, а бывшая Жертва в Преследователя. Соответственно каждый из участников треугольника несет в себе черты виктимной личности [3].

Карпман и работающие в традиции транзактного анализа психологи полагают, что треугольник этих ролей складывается в первую очередь в силу тех или иных внутренних выгод: скрытая цель для каждого игрока и причина пребывания в ситуации в том, что каждый удовлетворяет свои невысказанные (и часто бессознательные) психологические желания и потребности таким образом, который они считают приемлемым. При этом они не хотят признавать то, что в

долгосрочной перспективе эта ситуация им не только не поможет, но и принесет вред: она служит фактором виктимизации. Таким образом, каждый игрок действует из своих корыстных потребностей, а не из истинной ответственности или альтруистичности.

При этом важно отметить и другие возможности: основа подобных взаимоотношений может состоять в неспособности противостоять манипуляциям или же сформированным привычкам, а также в некритичной жизненной философии. В данном случае необходимо менять жизненные ценности и приобретать более разумные привычки.

В целом, игра Треугольник Карпмана тормозит реальное решение проблем, приносит путаницу и страдания, способствует развитию виктимности личности. Игры являются тем инструментом, который люди используют (часто бессознательно), чтобы создать обстоятельства, где они могут с полным правом испытать определенные чувства (например, гнев или превосходство), или обоснованно выполнить или же избежать выполнения определенных действий, где их собственные внутренние желания отличаются от ожиданий социума. Игры всегда являются заменой искреннего общения. Поэтому необходимо работать над собой и отказываться от игр в пользу настоящей близости.

Список литературы

1. Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии / пер. с англ. А. Грузберга. — М.: Эксмо, 2009. — 416 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / пер. с англ. А. Грузберга. — М.: Эксмо, 2014. — 576 с.
3. Карпман С. Жизнь, свободная от игр / пер. с англ. Д. Касьянова. — Изд-во «Метанойя», 2016. — 550 с.

Егорова А.В., студентка II курса, направления «Психология, профиль «Организационная психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.

Меры виктимологической защиты детей в различных жизненных ситуациях

На сегодняшний день множество несовершеннолетних детей подвергаются различным видам насилия, около 50 тысяч детей каждый месяц убегают из домов, учебных заведений, интернатов, тем самым стараются спастись от жестокости родителей, сверстников, воспитателей. Следует сказать, что в последние годы проблема насилия подвергается междисциплинарному анализу, включающее ряд культурных, биологических, психологических факторов. Социализация детей в абсолютно любом обществе проходит в различных условиях. Для этих условий

преимущественно характерно наличие множества опасностей, оказывающих негативное влияние на развитие человека, поэтому появляются категории детей, которые могут стать жертвами неблагоприятных условий социализации.

Термин «виктимность» был введен Л.В. Франком в 70-е годы. Виктимность используется в изучении «предрасположенности» человека стать жертвой в неблагоприятных условиях социализации. Таким образом, виктимность буквально означает жертвенность, что традиционно понимается как синоним самоотверженности [1.с.95].

Можно отметить, что в детском развитии изменяются условия деятельности и жизни ребенка, что, приводит к новым формам взаимодействия, перестройке психики. Также ярко выражается неустойчивость нервной системы. Обычно, в этом возрасте у детей возникают проблемы с родителями, их взаимоотношения характеризуются повышенной конфликтностью, усиливается критичность к взрослым, значимость мнения сверстников. Также, изменяется стиль общения со сверстниками, целью которого является самоутверждение, что в неблагоприятных условиях может привести к различным формам девиантного поведения (рис. 1).

Рисунок 1 - Отношение «родитель–ребенок»

Следует сказать, что главным институтом социализации детства признана семья, следовательно, можно отметить возможные связи между определенным стилем взаимодействия родителей и детей, что в дальнейшем приводит к формированию виктимной личности. Поведение типа жертвы проявляется в специфической ситуации. Также, к виктимности относят неадекватное отношение к опасности и к риску. К неординарным факторам возникновения виктимного поведения относятся: индивидуальный опыт переживания, то есть наблюдение самого факта насилия, ранее сформированный комплекс (тревожность, эмоциональная неустойчивость), отсутствие поддержки отца и матери.

Так, по данным исследователей, от жестокости родителей каждый год страдает около 3 млн. детей в возрасте до 14 лет, каждый восьмой из них умирает, а 3 тыс. детей совершают самоубийство. Прямое следствие этого - высокий рост опасных поступков, совершаемых детьми в основном подростками. Всем нам известная фраза: «жестокость порождает жестокость».

Для того, чтобы это избежать необходимо, обратиться к мерам виктимологической защиты, а именно:

1. Социально-психологическая подготовка к негативным внутренним и внешним факторам (работа с семьей и ближайшим окружением). Задачей является, проработать психологические и социальные ситуации. Разрешение проблем адаптации личности, а также гармонизация межличностных отношений.
2. Использование вербальных методов и формирование морально-нравственного мировоззрения (беседы, индивидуальная и групповая психотерапия, дискуссии). Психологическая поддержка позволяет смягчить стрессовые события (стресс, вызванный на учебе, работе) жизни. Такая поддержка позволяет защитить индивидов от разрушительного поведения, а также придает чувство самоконтроля и самоуважения.
3. Привлечение лиц к общественно-значимой деятельности (волонтеры, члены общественных организаций, кружков и т.п.) так как, считается, что направление энергии в значимое русло, благоприятно сказывается на поведении.
4. Проведение различных психологических тренингов для формирования адекватного поведения. Выработка иммунитета к неблагоприятным внутренним и внешним факторам (истерика, депрессия, неврозы и т.д.).
5. Психологическое исследование лиц, склонных к виктимному поведению (наблюдение, социометрия, тестирование, психологический мониторинг). Углубленное психологическое исследование, помогает выявить личностные особенности человека, которые затрудняют его адаптацию и функционирование в различных системах отношений, а именно (межличностных, профессиональных, семейных и т.д.).
6. Главной мерой виктимологической профилактики является правовое воспитание. В ходе работы выяснилось, что некоторые преступления связаны с правовой неосведомленностью. Ознакомление с правовыми документами, демонстрация кино-видеофильмов.

Хорошо проведенные методы и этапы психологического исследования, значительно уменьшают неправомерные формы поведения по отношению к детям, повышают толерантность, а также происходит постепенное вхождение в социально-приемлемые формы, виды и способы поведения.

Всех субъектов виктимологической профилактики должна объединять общая цель. Создание системы профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних требует оптимального количества работающих субъектов, их четкую структуру и принципы взаимодействия. Можно отметить, что достичь этого можно за счет организации в Российской Федерации системы семейных судов по японской модели: «семейный суд будет являться единственным

регламентированным органом профилактики мер преступлений по отношению к несовершеннолетним детям».

Список литературы

1. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. С.105.
2. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. - М.: Изд-во Эксмо, 2006. - 1008 с.
3. Фурманов, И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция/ И. А.Фурманов. Спб.: Речь, 2007. - 480 с.

*Ератина Е.А., Ефремова В.А., студенты II курса, направление «Психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л. А*

Психологические особенности женщин с виктимным поведением в семье

Проблема насилия над женщинами в семье является одной из важных в структуре данного института. Считается, что каждая четвертая российская семья сталкивается с проблемой домашнего насилия. Домашнее насилие в современном обществе стало вполне обычным делом, а количество случаев, фиксирующих насилие в семье, становится все больше и с каждым разом они все более жестоки. В связи с этим проводятся исследования причин и последствий домашнего насилия, психологических особенностей виктимного поведения женщин в процессе их семейной социализации.

Домашнее насилие над женщинами имеет формы физического, сексуального, экономического и психологического унижения, которое осуществляется с помощью дискриминации и угроз. Итак, домашнее насилие – это не отдельный случай насильственного поведения агрессивного мужа и не просто устарелый обычай, а, скорее всего, это власть и контроль над женщиной, а также ограничение ее прав, свобод и способности к самореализации.

Порой мы можем наблюдать, что поведение самой женщины свидетельствует проявлению домашнего насилия.

Мы говорим о деструктивных формах межличностного взаимодействия, которые в свою очередь включают, как зависимые, так и созависимые отношения. Такие деструктивные межличностные взаимодействия могут находиться в рамках супружеских отношений и вне их, проявляясь в виктимном поведении личности женщины – то есть потенциальной способности оказаться в роли жертвы оскорбительных супружеских отношений в результате негативного взаимодействия личностных качеств с внешними факторами.

Виктимное поведение мы рассматриваем как «провокационность», «подчиненность», «болезненную привязанность», «комплекс особых черт

характера», «зависимость», «набор усвоенных норм поведения», «способ адаптации к острому внутриличностному конфликту». Предпосылка к формированию виктимного поведения женщин является ранняя социализация, как недифференцированность личности членов родительской семьи.

Женщинам-жертвам свойственна невозможность установить ограничения в большинстве сфер их жизни. Такая женщина постоянно находится под воздействием оскорбительных супружеских отношений или физического, эмоционального насилия. Она не может понять, что именно ей нравится, чего хочет и что чувствует. Женщина не способна сказать «нет», она лишь находится в ожидании потока требований по отношению к ней. Женщины-жертвы не уделяют внимания своим чувствам, желаниям. Ответственность за себя меняется на ответственность за других.

Женщина в ситуациях домашнего насилия живет в системе противоречий и взаимоисключающих убеждений: «Я не сделала ничего такого, чтобы заслужить такое твое отношение» и «Я сама виновата в том, что происходит», но, несмотря на это, женщина не может определить свои личностные границы от границ «я» другого человека. Таким образом, вопрос ограничений и установлений границ допустимого является одним из самых сложных для таких людей. Умение правильно определять свои контакты с другими людьми закладывается благодаря родительскому отношению к потребностям своего ребенка. Однако в дисфункциональных семьях родители сами не чувствуют собственных границ и не могут этому научить своих детей.

Помимо всего сказанного, можно выделить мотивы, движущие женщинами-жертвами. Это страх перед реакцией и поведением других людей в принципе, а мужчины-агрессора в особенности, ведь женщины постоянно ожидают волну новых обид. Делая выбор или принимая решение, они не способны спросить себя, чего хотелось бы им, однако проявляют предупредительность по отношению к желаниям и запросам супруга-оскорбителя. Они уже инстинктивно вырабатывают чувства и желания окружающих. Страх женщины в неодобрении, раздражении, гневе, а особенно страх оказаться брошенной является основой их поведения. Так же, есть еще и страх перед одиночеством, который является одним из самых сильных для таких женщин. Он удерживает их в оскорбительной ситуации верой, что они не смогут справиться без обидчика.

Виктимное поведение женщин в ситуациях домашнего насилия характеризуются различными защитными психологическими механизмами. Рассмотрим защитные механизмы женщин.

Отрицание. Одной из соответствующих черт женщин, живущих в условиях неизменного стресса, является невозможность открыто обсуждать проблему, отказ разобраться с ней и отрицание действительности. Такие женщины отвергают реальность, которая вызывает тревогу, чтобы защитить свою психику. Также, А. Фрейд подчеркивала, что отрицание никогда не обеспечивает полной защиты, ведь чем дальше во времени, тем больше и с большей силой надо отрицать [3]. Когда женщина в определенный момент понимает действительность, она сталкивается с необходимостью каких-либо действий и

принятия решения, иногда – даже полного разрыва отношений. Однако страх берёт над ней вверх, и она выбирает путь рационализации или минимизации обид.

Рационализация. Опыт общения с такими женщинами свидетельствует, что почти все из них даже не считают насилием обиду и издевательства, которые они переживают практически постоянно. Такие женщины во многих случаях живут от кризиса к кризису, которые вызывают страдания, но они не способны серьёзно оценить, что всё-таки с ними происходит. Верить практически всему, что говорит агрессор, особенно когда произнесённое соответствует желаемому, видеть лишь то, что хочется видеть и слышать только то, что охота слышать, – соответствующая черта женщин-жертв, что ведёт к повторению насилия и оскорбительных форм поведения. Когда партнер оскорбляет или обижает такую женщину, она начинает оправдывать его, обвиняя себя, надеясь, что скоро все изменится.

Изоляция. Женщины нередко понимают, что страдают от насилия, но прекращают на него откликаться эмоционально. Они «учатся» подавлять душевную боль и не видеть обид. Их чувства «заморожены», что помогает лучше переносить эмоциональную боль и страдания. Изоляция заключается в понижении чувствительности по отношению к психотравмирующим факторам.

Замещение. Женщины, которые страдают от домашнего насилия и оскорблений, отмечают, что испытывают сложности в общении со своими детьми, нередко «срываются», после чего испытывают негативные эмоции. Это, по нашему мнению, является свидетельством действия механизма замещения, который включается, когда выражение чувств и эмоций по отношению к определенному объекту (мужчины-оскорбителя) грозит опасностью и вызывает тревогу. Женщины-жертвы свою раздражительность и недовольство своим положением неосознанно могут направлять на безопасную для себя фигуру – собственного ребёнка.

Очередной из соответствующих особенностей таких женщин является ригидность. Женщины характеризуются так называемым экстремальным или дихотомическим мышлением. Крайности положительных и отрицательных мнений являются постоянным признаком их мышления. Вещи воспринимаются либо только черными, либо только белыми, все оценки лежат в плоскости «хорошо–плохо». Зарубежные ученые отмечают, что мировосприятие виктимных женщин отмечается перфекционизмом [3]. Исследования проблемы супружеского насилия указывают, что женщины с виктимным поведением в семейных отношениях имеют тенденцию попадать в капкан одного из чувств, к примеру, вины или гнева. Такие женщины ходят в своей жизни как бы по кругу, проигрывая одну и ту же ситуацию, сталкиваясь с одними и теми же или похожими проблемами, которые не в состоянии решить. Разумеется, ригидными установками, чувствами, формами поведения женщины-жертвы пытаются сохранить иллюзию построенного ими мира. По мнению В.Д. Москаленко, ригидность является индикатором состояния виктимности женщин [2]. Вышеупомянутые особенности свидетельствуют о сложностях в распознавании и определении собственных потребностей и чувств.

В числе особенностей виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия можно выделить еще одну соответствующую черту – пассивность. В обстановке, когда все говорят и действуют, жертва часто остается бездейственной, она не умеет действовать решительно. Как показывают анализ психологической литературы и опыт психотерапевтов, которые работают с женщинами-жертвами, нередко работа не идет дальше первой встречи, на которой женщина жалуется и попросту «выпускает пар». На дальнейшие встречи такие клиентки, обычно, не приходят. Постоянная жизнь в атмосфере стресса, когда преобладает чувство беспомощности, приводит к мысли о том, что не стоит что-либо менять в связи с тем, что ни к чему хорошему это не приведет. Подобные мысли часто являются следствием безрезультатно затраченной энергии, направленной, как правило, на решение не тех проблем, которым должен быть оказан приоритет.

Жизнь в неизменном стрессе, отрицание действительности, вытеснение негативных эмоций нередко приводят к появлению у женщин-жертв не только психологических или эмоциональных, но и физиологических расстройств. Ученые отмечают, что женщины с виктимным поведением страдают психосоматическими заболеваниями или в течение длительного времени не в состоянии преодолеть обыкновенные недуги, такие как насморк, простуда. Некоторые исследователи считают, что физические заболевания могут быть средством привлечения внимания. Иногда физические проблемы могут быть единственным условием, когда жертва может в символической форме сообщить обидчику: «Я больна, пожалуйста, перестань обижать меня». Это может являться для женщины и некоторой возможностью получить отдых, не испытывая при этом вины.

В семье, где имеет место физическое, эмоциональное или словесное пренебрежение и оскорбление, чтобы сохранить себя, женщина создает адаптивную систему поведения, которая является закрепленной реакцией на стресс, который с течением времени становится скорее образом жизни, чем соответствующим средством выживания. Показательно, что когда причина стресса прекращает своё воздействие, человек не перестаёт действовать в окружающей его среде так, как будто угроза угнетения продолжает существовать. Многие исследователи оценивают психологические изменения в поведении и мироощущении женщины, живущей в условиях постоянного стресса, как формирование состояния созависимости и виктимного поведения.

Анализ исследований в области виктимного поведения женщин позволил выделить ряд психологических особенностей женщин – жертв домашнего насилия:

- невротизированность, которая проявляется в эмоциональной амбивалентности, болезненной тревожности, депрессивных расстройствах, бегстве от действительности в мир фантазий, отказе от активных действий, гиперчувствительности;
- расстройства аффективных функций – затуманивание, непонимание или искаженное восприятие своих чувств, переживаний и тенденций: агрессивные тенденции воспринимаются как проявление заботы; эмпатийность и желание

искренности – как проявление слабости; коммуникабельность и отношения с другими – как собственная неосторожность; тенденция к поддержке со стороны других – как доказательство собственной бесполезности;

- состояние обученной беспомощности, характеризующееся негативным опытом семейных и иных межличностных взаимоотношений, формирующий устойчивый «комплекс неудачника»; постоянный страх за себя и детей и сосредоточение на выживании; ощущение беспомощности и безнадежности; неспособность предугадать вероятные результаты собственных действий и эффективно реагировать на оскорбления, высокая чувствительность к потенциальному насилию;

- расстройства когнитивных функций - непонимание или рационализация как собственного, так и чужого поведения, а также окружающей ситуации: женщины-жертвы не понимают грозящей им опасности, а свой опыт битвы воспринимают как подтверждение мужества;

- деформированное самовосприятие и заниженная самооценка вследствие переноса отношений партнера-оскорбителя на себя: оценка себя как недружелюбной и не способной к состраданию, чувство неспособности наладить нормальные отношения, принятие посторонних оценок как своих собственных характеристик;

- конфликтность и противоречивость - такие женщины пользуются парадоксальными и неадекватными методами реализации собственных личностных тенденций: эмпатичность реализуется через сарказм, высмеивание, обвинение; коммуникабельность – через дискредитацию и навязывание контактов с окружающими, зависимость и потребность в поддержке – из-за опасности разрыва отношений; страх перед физическим уничтожением компенсируется личной физической агрессией;

- посттравматическое стрессовое расстройство - рекуррентное и беспокойное переживание травмы через неприятные воспоминания, сны, навязчивые действия и чувства, как будто событие повторяется, систематическое избегание стимулов, напоминающих о травме;

- нарушение границ «Эго» - принятие суждений партнера-оскорбителя, ассимиляция его мыслей к собственному Я-образу, то есть женщина постепенно принимает все обвинения обидчика, чем увеличивает потерю самоуверенности;

- психотравмирующий опыт детства и модели поведения родителей - виктимизирующий механизм родительских психологических обид в детстве заключается в подавлении эмоциональной среды, что предопределяет чувство своей неполноценности, беспомощности, внутренней опустошенности.

Таким образом, психологические особенности виктимного поведения женщин в системе супружеских отношений включают в себя широкий спектр личностных свойств и состояний, а также совокупность внешних и внутренних факторов, обуславливающих личностную предрасположенность женщин к превращению их в жертву домашнего насилия.

В целях предупреждения домашнего насилия необходимо утверждение в обществе антидискриминационной политики в отношении женщин, внедрение программ психологической помощи и реабилитации женщин в кризисных

семейных ситуациях, а также наличие системы психолого-практических мероприятий, направленных на коррекцию личностных виктимных качеств и профилактику виктимного поведения женщин.

Список литературы

1. Ениколопов С.Н. Современные проблемы психологии семейного насилия // Домашнее насилие в отношении женщин: Масштабы, характер, представления общества. - М.: МАКС-Пресс, 2003. - С. 96 - 102.
2. Москаленко В.Д. Жены больных алкоголизмом. Вопросы психологии. 1991. № 5. С. 91–97.
3. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 144 с.

Константинова С.С., студентка III курса, направление «Психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клинической психологии» Л.А.Становова

Факторы, определяющие виктимность личности

Попадая в определенную жизненную ситуацию, каждый человек может оказаться в роли жертвы. Ведь виктимное поведение определяется не только наличием у человека определенных личностных особенностей, но и неблагоприятной ситуацией, в которой он может стать жертвой. Вероятность того, что данные качества будут реализованы, во многом зависит от наличия конкретной ситуации. У каждого человека эти личностные качества составляют лишь её виктимный потенциал, который может быть реализован в особых обстоятельствах.

Можно выделить следующие условия, которые делают личность уязвимой и ставят ее в позицию жертвы:

- социально-демографические характеристики, которые включают факторы пола, возраста, национальности, места происхождения (особую роль играют пол и возраст);
- особенности поведения до начала возникновения чрезвычайной ситуации;
- особенности восприятия ситуации, которая привела к происшествию;
- отношения, которыми связаны объект (субъект), причиняющий вред и потерпевший [5, с.6].

Анализ исследований на тему виктимности позволил определить, что личностная структура «жертвы» включает в себя элементы разноуровневого порядка. Эти элементы активизируются при воздействии факторов ситуации риска и представляют собой психологические предпосылки превращения данной личности в жертву. [1, с.65]

Субъективная предрасположенность к роли жертвы включает в себя:

- совокупность психологических (индивидуально-психологических и социально-психологических) особенностей личности, которые вызывают ее виктимогенную деформацию;
- совокупность биофизиологических свойств человека, главным образом обусловленных возрастом;
- психопатологические особенности, что говорит о частичной социальной дезадаптации, а в результате – развитии повышено уязвимой личности [3, с.925-926].

А.В.Мудрик выделяет основные опасности, которые способствуют превращению личности в жертву на каждом возрастном этапе развития человека.

При внутриутробном развитии плода: нездоровье родителей, их склонность к пьянству и беспорядочному образу жизни, плохое питание матери; тяжелая работа матери, отрицательное эмоционально-психологическое состояние родителей; медицинские ошибки, неблагоприятная экологическая среда [4, с.277-278].

В дошкольном возрасте (0-6 лет): низкий материальный и социальный уровень жизни; болезни и психические травмы; игнорирование родителями ребенка и его заброшенность; не квалифицированность работников детских учреждений; отвержение сверстниками; антисоциальное окружение; содержание просматриваемых телепередач [4, с.277].

До 1 года для ребенка важное значение имеет установление доверия с матерью. Если этого не происходит, у ребенка появляется изначальное недоверие, изолированность. Это вызывает такие негативные чувства, как ощущение отлученности, отделения, брошенности. Следствием является развитие психастеничности – страха за свою жизнь и жизнь близких, боязнь всего нового, ограничение контактов с внешней средой [2, с.143].

Далее ребенок учится быть психологически независимым от своей матери и полагаться на свою внутреннюю силу. Если эта стадия завершена не до конца, индивид становится психологически зависимым от других. Результатом нарушения данной фазы также является эмоциональная вязкость, напряженность, агрессивность, затяжные аффективные реакции, устойчивость к негативным воздействиям при отсутствии фиксации на позитивных [2,146].

В младшем школьном возрасте (6-10 лет): вредные привычки родителей, отчим или мачеха, низкое материальное положение семьи; гипо- или гиперопека; содержание просматриваемых материалов; плохо развитая речь, неготовность к обучению; негативное отношение учителя или сверстников; отрицательное влияние сверстников или старших ребят; физические травмы и дефекты; потеря родителей; изнасилование, растление [4, с.278].

Подобные проблемы ведут к формированию у ребенка неуверенности в своих силах, тревожности и неадекватной оценки происходящего [2,149].

В подростковом возрасте (11-14 лет): пагубные привычки, аморальность родителей; низкое материальное положение семьи; гипо- или гиперопека; содержание телепередач и видеоматериалов; содержание компьютерных игр, аддикция; ошибки педагогов и родителей; употребление токсических веществ; изнасилование, растление; физические травмы и дефекты; одиночество, травля со

стороны сверстников; вовлечение в «фанатские», антисоциальные и преступные группы; отклонение в психосексуальном развитии; частые переезды семьи; развод родителей, их потеря [4, с.278].

Гиперопека усиливает его несамостоятельность, безынициативность, нерешительность, неумение постоять за себя [2, с.153].

Низкий социально-экономический статус, жизненная неустроенность, экономическая нестабильность приводит к виктимизации в семье, а в подростковом возрасте – к дополнительной виктимизации в рамках подростковой субкультуры. Слишком юный возраст родителей, сопровождающийся финансовой неустроенностью, низким уровнем образования и неадекватностью знаний о ребенке, приводит к игнорированию его потребностей, отчуждению, эмоциональной депривации и виктимизации [2, с.156].

Неполная семья приводит к отсутствию необходимой социальной поддержки, невротизации и социальной изоляции матери, проецирующей свои чувства на детей в виде жестокого обращения или же глубокого чувства вины [2, с.160].

В ранней юности (15-17 лет): антисоциальная семья, низкое материальное положение семьи; пьянство, наркомания, проституция; ранняя беременность; вовлечение в секты, преступные и тоталитарные группы; изнасилование; физические травмы и дефекты; приписывание себе несуществующего физического дефекта или недостатка; непонимание окружающими, отстраненность от окружающих, травля со стороны сверстников; противоречия между выдуманными идеалами и реальной жизнью; утрата жизненной перспективы, попытки суицида [4, с.279].

Дж.Вайсе выделил ряд причин, которые могут приводить к повышенной виктимности [2, с.37]:

1) Отвержение ребенка родителями. При этом ребенок думает, что заслужит отвержения, его самооценка падает, и он убеждается в том, что и все остальные не могут его полюбить.

2) Родители не приспособлены к жизни. Тогда ребенок берет на себя ответственность за них и делает все для того, чтобы родители были счастливы. Когда у него не получается справиться со всеми возложенными на него функциями, он начинает считать себя неудачником или источником их страданий.

3) Родители не заботятся о ребенке, но требуют, чтобы он выказывал им уважение или проявлял заботу. Ребенок привыкает к тому, что совершенно нормально – много давать, но мало получать взамен;

4) Родители постоянно ругают ребенка за его характер. Ребенок может внешне показывать свое несогласие, но внутренне он соглашаться с ней и у него формируется негативный образ «Я».

5) Один из родителей алкоголик. Ребенок беспокоится о нем, но в свою сторону получает отвержение. Следствием этого становится чувство стыда за себя и своих родителей.

6) В семье отрицается существование проблем. В результате у ребенка развивается недоверие к собственным чувствам и складывается представление, что он не может адекватно воспринимать действительность.

7) Родители непостоянные. Например, внезапные вспышки ярости сменяются у них необъяснимым приступом нежности). У ребенка складывается представление, что он все время в опасности, он становится очень бдительным, осторожным, осмотрительным.

8) Родители не защищают ребенка и не помогают справиться с проблемами. Ребенок приходит к убеждению, что не заслуживает защиты и приобретает тревожность, замкнутость и склонность к панике.

9) Сексуальное насилие над ребенком со стороны родителей приводит к тому, что он обвиняет в этом себя и стыдиться себя.

10) Родители жестоко обращаются с ребенком. Ребенок думает, что не должен этого помнить, и это наносит удар по его чувству реальности.

11) Ребенку кажется, что родители стыдятся его. Ребенок поверит в то, что он неполноценен и станет тоже испытывать стыд за себя.

12) Один из родителей ушел из семьи. Ребенок винит себя в этом и думает, что от него всегда должны уходить любимые люди.

13) Ребенок вырос в несчастной семье. Став самостоятельным и покинув дом, он продолжает поддерживать уровень несчастья как было в семье;

14) В семье ребенка никто не умел получать удовольствие от жизни. Ребенок будет считать, что он тоже не должен чувствовать это удовольствие.

В юношеском возрасте (18-23 года): девиантное поведение; низкое материальное положение; изнасилование, сексуальные неудачи, стрессы; «фанатство», вовлечение в противоправную деятельность; одиночество; разрыв между уровнем притязаний и социальным статусом; служба в армии; сложности в адаптации после армии; невозможность продолжить образование.

В молодости (23-30 лет): низкое материальное и социальное положение; алкоголизм, наркомания, проституция; изнасилование; одиночество; отсутствие жилья, семейные конфликты, развод; конфликты на работе, отсутствие профессиональной реализации, безработица; потеря смысловых ориентиров, проблема смены видов деятельности; вовлечение в противоправную деятельность, в тоталитарные группы.

В зрелом возрасте (30-55 лет): маргинальные проявления, одиночество, безработица, потеря жизненных перспектив, болезни, материальные трудности; утрата близких, семейные проблемы, маргинальное поведение выросших детей, развод, уход детей из семьи, отсутствие детей; травмы на производстве, стрессы.

В пожилом возрасте (55-65 лет): алкоголизм, одиночество, болезни, нищета, заброшенность, попытки суицида, выход на пенсию, утрата жизненных перспектив, смерть сверстников и близких.

В старческом возрасте (65 лет и далее): нищета, заброшенность, болезни, попытки суицида [4, с.283].

Таким образом, негативные факторы внешней среды формируют виктимную личность. Они определяют формирование потенциальной повышенной виктимности. В итоге формируется личность с повышенной виктимностью. Неправильное воспитание (ребенка не учат разборчивости в отношениях с людьми, терпимости, уважению и любви к ближнему, здоровой недоверчивости, недоступности, умению распознавать людей) влечет за собой неправильное

поведение (неумение строить отношения с людьми, совершение виктимных поступков, таких как: неумеренное потребление спиртных напитков, болтливость, неразборчивость в связях, приставание к незнакомым людям, употребление наркотиков, участие в азартных играх и т.д.).

Список литературы

1. Гаджиева А.А. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Виктимология» – Махачкала: ДГУНХ, 2016. – 152 с.
 2. Малкина-Пых И.С. Психология поведения жертвы. Психология поведения жертвы. – М.: Наука, 2009. – 329 с.
 3. Матусевич А.М. Психологические аспекты виктимности. / А.М.Матусевич, Л.В.Кубышко // Молодой ученый. – 2014. – №8. – С. 924-927.
 4. Мудрик А.В. Виктимология. – М.: Магистр, – 2002. – 524 с.
- Ривман Д.В. Криминальная виктимология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2002. – С.6

*Константинова С.С., студентка III курса, направление «Психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Научный руководитель – доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.*

Психологические особенности виктимной личности

У любого индивида существует потенциальная виктимность, так как, попадая в определенную жизненную ситуацию, каждый может оказаться в роли жертвы преступника, то есть виктимность не приобретается, а человек попросту не может быть не виктимным. В то же самое время вероятность того, что данные качества будут реализованы, во многом зависит от наличия конкретной ситуации. Тем самым, совокупность качеств личности, составляющая её виктимный потенциал, относительна, и объективизируется она лишь в виде элементов системы «человек – среда» в контексте адаптационной реакции.

Виктимную личность можно определить по внешнему виду. В одном из экспериментов Бетти Грейсон заключенным была показана видеозапись с обычными прохожими. Заключенных просили выбрать, кого из прохожих в этой видеозаписи они использовали бы как свою намеченную жертву. Большинство указали на одних и тех же людей. В результате эксперимента были выделены следующие особенности «человека-жертвы»:

- неуверенная, неуклюжая походка;
- сутулые плечи с опущенной головой;
- движения зажатые;
- потерянный вид;
- вялый, потухший, избегающий контакта взгляд.

Виктимность чаще рассматривается, как личностное качество индивида, который становится жертвой по отношению к объекту, предмету воздействия или сложившимся обстоятельствам.

Д.А.Сорокотягина определяет виктимность следующим образом: это образ действия или бездействия индивидов, при котором они становятся жертвой преступления в типичных и нетипичных для них ситуациях. Действия могут быть целенаправленными (провокационными, рискованными) и нецеленаправленными (неосторожными, неосмотрительными). Бездействие может включать в себя неоказание сопротивления преступнику, терпеливое отношение к систематическому истязанию и т.д. Таким образом, можно выделить две составляющие виктимности: личностные качества индивида и факторы внешней среды [9, с.34].

В данной работе будут рассмотрены личностные качества виктимного человека, выделенные различными учеными в результате исследований.

А.С.Милевич выявил психологические качества личности, которые могут обратить человека в жертву:

- жертву убийства характеризуют неосмотрительность, чрезмерная рискованность, конфликтность, склонность к агрессивному поведению, эгоцентризм, злоупотребление спиртными напитками;
- жертва изнасилования часто отличается неразборчивостью в знакомствах, эксцентричностью или, наоборот, нерешительностью, личностной незрелостью, отсутствием опыта половых отношений, инфантильностью;
- жертва истязаний, как правило, знакома с преступником, пребывает в зависимости от него, ее характер часто слабovolен, у нее отсутствуют устойчивые жизненные позиции, сформированные интересы, она порой ведет аморальный образ жизни, нередко ее социальный статус выше, чем статус истязателя;
- жертву мошенников отличает чрезмерная доверчивость, некомпетентность, легковерность, жадность или наличие материальных трудностей, она нередко суеверна [6, с.178-179].

О.А. Клачкова выделяет следующие системные факторы виктимности: эмоциональная ригидность, демонстративность, защита от переживаний. Каждый фактор имеет свои характеристики [3, с.102].

В.В. Бойко определяет эмоциональную ригидность как неподатливость, жесткость, негибкость, которая выражается в том, что личность слабо и очень избирательно, негибко и в ограниченном диапазоне эмоционально реагирует на различные внешние и внутренние воздействия. [2, с.153]

Содержание эмоциональной ригидности составляют такие психологические свойства как:

- 1) Педантичность, которая характеризуется ригидностью, инертностью психических процессов, долгим переживанием травмирующих событий; пунктуальностью, аккуратностью, усидчивостью.
- 2) Нейротизм, характеризующий эмоциональную устойчивость или неустойчивость.

- 3) Паранойяльность, которая характеризуется ригидностью, устойчивостью интересов, упорством в отстаивании мнения, стеничностью установок.
- 4) Личностная тревожность – склонность к переживанию тревоги [3, с.100-101].

Личность с высоким уровнем тревожности имеет предрасположенность к частым проявлениям состояния тревоги в различных жизненных ситуациях, в том числе и таких, которые к этому не предрасполагают, склонна воспринимать окружающий мир как заключающий в себе угрозу и опасность и более подвержена влиянию стресса.

Демонстративность характеризует демонстративное поведение, подвижность, легкость в установлении контактов, склонность к фантазерству, лживости и притворству, потребность в признании, склонность к провоцированию конфликтов [3, с.101].

Защита от переживаний предполагает работу механизмов психологической защиты через вытеснение [3, с.103].

М. А. Одинцова выделяет пять личностных качеств, по которым характеризуется виктимность: экстраверсия, эмоциональная стабильность, уступчивость, сознательность, открытость опыту. Характеристика черт у виктимных [7, с.61]:

- 1) Экстраверсия на низком уровне.
- 2) Эмоциональная стабильность на низком уровне (склонность к стрессу, беспокойству, волнению, раздражительности, тревожности, обидчивости, пессимистичности).
- 3) Сознательность на низком уровне (действия часто спонтанны).
- 4) Уступчивость на низком уровне (тяжело принимается чужая точка зрения, настаивание на своем).
- 5) Высокие показатели по открытости новому опыту.

Виктимные личности замкнуты, предпочитают уединение, трудно сближаются с другими людьми, не любят занимать лидирующие позиции, неуютно чувствуют себя в компании, держатся в тени. Они менее уступчивы, проявляют некоторое безразличие. Часто испытывают стресс, постоянно беспокоятся, легко расстраиваются [7, с.64].

Анализируя статьи по проблеме виктимности можно выделить такие личностные качества виктимного индивида, как:

- повышенная тревожность, неуверенность, низкая самооценка;
- зависимость от общественного мнения и мнения окружающих;
- агрессия;
- неприятие проблем;
- низкая социальная адаптация (изолированность от общения с людьми, низкая инициативность);
- необоснованное чувство вины;
- состояние безнадежности;
- трусость;
- изолированность [3, с.99; 6, с.65; 10, с.52-53].

По мнению психологов, люди, которые сознательно или бессознательно избирают социальную роль жертвы (имеют установку на беспомощность, не желают изменять собственное положение без вмешательства извне, отличаются низкой самооценкой, запуганностью, повышенной готовностью к обучению виктимному поведению, усвоению виктимных стереотипов со стороны общества и общины), постоянно вовлекаются в различные криминогенные кризисные ситуации, поскольку подсознательно имеют цель получить как можно больше сочувствия, поддержки со стороны, оправданности ролевой позиции жертвы [5, с.228].

Трусость и податливость могут сочетаться с повышенной агрессивностью и конфликтностью жертв-психопатов, истероидов, которые избирают позицию «обиженного» с целью постоянной готовности к взрыву негативных эмоций и получению удовлетворения от обращения негативной реакции общества на них, усилению ролевых свойств жертвы [4, с.78].

По словам Е.В.Руденского, виктимизм – это социальнопсихологическое состояние личности, для которого характерны: идентификация себя жертвой обстоятельств, дефицит идентификации субъектом собственной жизни, социальная дефензивность, социальная пассивность, социальный инфантилизм, социальная гетерономия, чувство собственной беспомощности в разрешении проблемных ситуаций жизни, рентная установка как стремление получить выгоду из виктимного статуса, установка в форме использования жалобы как требования должного, жажда агрессивной компенсации собственной социальной дефектности, даже ценной собственной деградации как личности и как социального субъекта [8, с.142].

Н.Н.Биткиной на основе анализа научной литературы приводятся следующие отличительные особенности виктимной личности: эмоциональная неустойчивость, тревожность, конформность, робость, доверчивость, некритичность, внушаемость, повышенная моральная ответственность, излишняя добросовестность, готовность жертвовать собой [1, с.544].

Рассмотренные психологические особенности, имеющие виктимное значение, связаны таким образом, что, личность выступает как совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. Таким образом, любая «жертва» преступления (как потенциальная, так и реальная), обладает определенными личностными чертами, которые делают их в большей или меньшей степени уязвимыми. Эти личностные качества создают предрасположенность к более вероятному причинению данным лицам физического, морального или материального вреда.

Список литературы

1. Биктина Н.Н. К проблеме виктимности личности подростка в современных исследованиях: сущность, виды, факторы возникновения и причины проявления / Н.Н.Биктина, А.Б.Баймешова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 542-551.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других– М.: Информационно-издательский дом "Филинъ", 1996. – 472 с.

3. Клячкова О.А. Исследование виктимного типа личности. / О.А.Клячкова // Амурский научный вестник. – 2007. – № 1. – С. 90-103.
4. Кулакова А.А. Криминальная виктимность как социальная девиация / А.А.Кулакова // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2015. – № 20 (39). – С. 76-80.
5. Малкина-Пых И.С. Психология поведения жертвы / И.С. Малкина-Пых. – М.: Наука, 2009. – 329 с.
6. Милевич, А.С. Необходимость введения курса по выбору «виктимизация предпринимательства» для студентов высшего профессионального образования / А.С.Милевич // Омский научный вестник. – 2007. – № 4 (58). – С. 177-180.
7. Одинцова М.А. Психологические особенности виктимности / М.А.Одинцова // Вопросы психологии. – 2012. – № 3. – С. 59-67
8. Руденский Е.В. Депривационный виктимизм как социальнопсихологический механизм онтогенеза личной виктимности / Е.В.Руденский // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1 (38). – С. 141-146.
9. Сорокотягина, Д.А. Виктимологический анализ при расследовании преступлений / Д.А.Сорокотягина // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики): Сборник научных трудов. – Иркутск – 1980. – С. 34.
10. Субботина Р.А. Личностные детерминанты виктимного поведения юношей и девушек / Р.А.Субботина // Интеграция образования. – 2016. Т. 20. – № 1 (82). – С. 51-62.

Конуркин И.С., студент IV курса, специальность «Клиническая психология» г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – к. психол. н., доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Гудименко Ю.Ю.

Особенности виктимизации личности в сектах-убийцах

Чтобы не стать жертвой вербовки, дезинформации и манипулирования, нам необходимо знать о приемах, которые используют вербовщики из сект. Информированность и высокий уровень осознанности – это основные виды защиты от деструктивных сект [3, с. 67].

Деструктивность секты проявляется в совершении ритуальных убийств, причинении вреда, либо склонению к причинению вреда здоровью (в т. ч. самопричинению вреда); в склонении к суициду; причинению имущественного вреда, склонению к передаче имущества или денег организации, или лидеру организации.

В 2017 г. в г. В. Пышма Свердловской области был вынесен приговор экс-милиционеру Байрамбекову, совершившему ритуальные убийства четырех человек, недалеко от Ганиной Ямы. Оккультизмом он начал заниматься с 2013 г.,

вначале для ритуалов использовал куски мяса, купленные в магазине, затем стал приносить в жертвоприношение мелких животных (кошек, кур), затем – крупных (коз). Осенью 2014 года Байрамбеков приготовил в лесу специальные площадки для человеческих жертвоприношений с выложенными по кругу камнями, связанными с определенными богами, и с сентября по ноябрь 2014 г. убил четырех людей, перерезая горло и сливая кровь. Ритуал осуществлялся при разведенном костре, с чтением молитв. Байрамбеков пытался оживить свои жертвы и создать из них армию зомби. «Зомби» – легенда, по которой западноафриканские и гаитянские племена называют «оживших мертвецов», людей, впавших по приказу колдуна в летаргическое состояние. Спустя некоторое время они поднимаются и начинают двигаться, как автоматы, слепо выполняя команды человека, который всецело подчинил себе их волю. В ходе следствия было проведено три психолого-психиатрические экспертизы. Почему ритуальные убийства – жертвоприношения совершаются долго, с длительными мучениями жертвы, с особой жестокостью? Потому что проводящий ритуал от страданий жертвы ожидает усиления своей «магической силы» и магических возможностей.

При расследовании таких аномальных, нетипичных уголовных дел следователям необходимо знать группу риска (возможных потерпевших), виктимные факторы, знать распространенные методы воздействия руководителей сект на новичков, привлекаемых в секту.

Группа риска. Виктимные качества потерпевших, которые привлекают организаторов ритуальных действий или деструктивных сект:

1) Основным качеством является низкая самооценка человека. У включенных в секту ее еще более снижают, усиливая мысли о греховности. В секте активизируется паническое ощущение беспомощности, ощущение «пешки». Но рядом всемогущий Лидер, Учитель, который защитит.

Власть лидера абсолютна. Каждый человек в секте запрограммирован останавливать все «негативные» мысли о лидере, доктрине или организации. Процесс остановки мыслей запускается всякий раз, когда член секты считает, что кто-то ставит под сомнение общественную значимость его группы и групповой миссии, критикует группу или подвергает сомнению;

2) активизируется чувство вины, для этого применяются систематические исповеди; полученная информация используется для дальнейшей активизации чувства вины;

3) страхи, фобии, которые активизируются сразу после вхождения человека в секту:

а) Самая распространенная фобия у членов сект – ожидание «конца света». Этот страх систематически поддерживается «мессией», он же и отодвигает им же ранее «установленные» даты. Заполняются хранилища на случай конца света, все члены секты считают себя «армией Господа».

б) Прививается фобическая реакция на мысль о выходе из секты. Данные фобии связаны с одной из основных, базовых потребностей человека – потребности в безопасности. Фобии возникают в результате травмирующего жизненного опыта. Фобии лишают свободы выбора. Принадлежность к секте дает иллюзию защищенности;

- 4) повышенная внушаемость;
- 5) аддиктивность как склонность к зависимому поведению;
- 6) слабый тип нервной системы;
- 7) несовершеннолетний возраст (когда личность еще не полностью сформирована) или пожилой возраст (когда нарушаются функции сознания);
- 8) низкий уровень образования и культуры, который влечет снижение способности к критическому восприятию информации.

Вербовщик пытается получить как можно больше сведений о вербуемом, чтобы узнать, на какие «кнопки» необходимо нажимать, чтобы затянуть человека в секту. Хороший вербовщик умеет «задеть за больное» и эффективно воздействовать на человека через его слабые места. Слабым местом могут быть проблемы с любимым, родителями, членами семьи, в школе, в университете, на работе, смерть родного или близкого человека, переезд в новый город.

Первый этап воздействия: основная цель при первых контактах – «насадить на крючок» через «бомбардировку любовью» – окружить заботой, добротой, показать светящиеся счастливые лица, использовать поглаживание, объятия, улыбки. Первое время после вступления в деструктивную секту человек, как правило, переживает состояние эйфории. Это фаза «медового месяца», на которой бомбардируют любовью, окружают заботой и вниманием.

Второй этап: изоляция, чтобы вырвать жертву из привычного окружения, дезориентация во времени и пространстве.

Один из методов – ограничения доступа к независимым источникам информации. Многие из этих методов часто используются в обыденной жизни в сфере рекламы, политики, образования, в общественных и семейных взаимоотношениях. Техники отработывались в новых религиозных движениях в 1960-х годах, когда молодым людям сделали «промывание мозгов», изолируя их от родственников и друзей, устраивая программу лишения сна (встречи с наставником в 3 часа утра) и устанавливая практику громких и повторных пений.

Нужно лишь несколько минут полной изоляции, чтобы возникло беспокойство, лишь несколько часов, чтобы появились галлюцинации.

Если вы пришли на собрание не один, а с другом, то первым признаком того, что вы находитесь в деструктивной секте, послужит то, что вас постараются под любым предлогом рассадить. Обычно это делается незаметно: один из членов деструктивной секты вступает в беседу с вашим приятелем, а другой в это время начинает задавать вопросы вам [3, с.48, 50].

Третий этап воздействия: ставится задача отключить сознание, активировать бессознательное. Когда призывают «отключить» ум, человек уже находится в опасности.

Для этого применяются следующие **техники:**

- 1) прыжки, хороводы, вращения, ритмичные движения, хлопки руками в течение определенного времени;
- 2) ритмичные песнопения, мантры, молитвы (минимальное число прочтений – 7-8, оптимальное для воздействия от 12), включают нейролингвистическое программирование, медитативная музыка с монотонно

усыпляющей мелодией, при этом происходит подмена понятий и перевод на другую лексику;

3) возможно применение психотропных веществ, алкоголя, галлюциногенов, слабых наркотиков, вызывающих расслабление и затуманивание сознания;

4) лишение нормального сна;

5) резко изменяется режим приема пищи и рацион питания. Особая диета: вегетарианство, отказ от сахара и соли; голодание; посты; либо строгое вегетарианство при избыточном потреблении сахара, создающего у членов секты ощущение «подъема»;

6) создание состояния хронической усталости от непосильной работы;

7) усиление навязчивых страхов;

8) изоляция от внешнего мира, запрет на общение с семьей, на просмотр телевизора, запрет на получение информации извне, т.е. контроль и ограничение поступающей информации;

9) контроль мыслей, контроль эмоций, контроль поведения;

10) строгий режим, моления – до 65 часов в неделю;

11) изменение ориентации во времени. Например, навязывание нового летоисчисления, где начальной точкой является дата зачатия или рождения Мессии, Учителя.

Обстановка и средства, которые используются: 1) за городом, отрыв от семьи; 2) «магический круг»; 3) пламя костра, пламя факелов.

Четвертый этап – после снятия контроля сознания – перепрограммирование:

1) внедрение бредовых идей (сделать из людей бесполох ангелов путем ампутации половых органов);

2) подмена понятий (любовь ↔ групповой секс; Иисус пострадал, значит счастье – в страдании...);

3) неправильное восприятие мира – измененная система ценностных ориентаций;

4) смена имени;

5) другая лексика, на которой легко общаться с сектантами, но трудно с друзьями и родными;

6) приемы нейролингвистического программирования.

Приведем отрывок из заключения экспертов по делу о сектантах-пятидесятниках, в котором эксперты, отвечая на вопрос, как отразилось на детях участие в деятельности секты и соблюдение ими религиозных обрядов, отметили следующее: «Обследовано 30 детей сектантов. Они резко отстают от своих сверстников в физическом и психическом развитии. Обнаруживают эмоциональную неустойчивость (замкнутость, плаксивость, пугливость), узкий кругозор, примитивность суждений. Не посещают кино, театров, культурных и спортивных мероприятий. На молениях испытывают страх. Исполнение обрядов, сопровождаемых плачем, криками и трясками верующих, глубоко расстраивает легко ранимую нервную систему ребенка, длительное пребывание в этой обстановке приводит к психическому истощению детей. Сектанты воспитывают

своих детей в духе религиозного фанатизма, в постоянном страхе, о чем свидетельствует и содержание таких гимнов, как «День великий, страшный близко», «Расстанутся дети и родители». Участие несовершеннолетних в сборищах и молениях, соблюдение ими обрядов этой секты пагубно влияет на физическое и психическое развитие детей, приводит к ограничению их кругозора, задержке в развитии интеллекта и уродливому формированию личности» [2].

Пятый этап: удержание в секте.

1) В секте поощряется слежка за другими участниками: объединение по парам по системе «приятельства» для наблюдения и контроля; доносительство лидеру об отклоняющихся от культовых доктрин мыслях, чувствах и действиях (поступках);

2) Групповой конформизм. Когда человек поддается влиянию всеобщего действия и начинает вести себя вовсе не так, как делал бы это в одиночку, он проявляет групповой конформизм. Зигмунд Фрейд писал, что эволюция толпы базируется на побуждении людей поступать так же, как остальные, чтобы «быть в гармонии с большинством», участникам группы свойственно следовать за лидером и отождествляться с ним.

3) Материальная зависимость от секты, когда секте передаётся всё имущество – возникает безысходность.

4) Оказывается внушающее воздействие: если уйдешь, с тобой случится беда.

Последствия пребывания в сектах.

Привитые в секте фобии, которые находятся в подсознании в виде фиксированных установок, могут стать «бомбами замедленного действия». Человеку, который в секте был отрезан от общества, очень трудно вернуться к обычной жизни. Поэтому некоторые снова возвращаются в секты в поисках безопасности. Обычно это очень ранимые люди, которые в отсутствие психологического контроля секты ощущают себя брошенными на произвол судьбы.

В некоторых оккультных сектах в подсознание людей вводят «программу самоуничтожения», которая должна сработать, если они покинут секту (своеобразное кодирование). После выхода из секты такие люди абсолютно убеждены, что их духовное тело распалось, и они постепенно умирают.

В первые месяцы после выхода из секты бывшие последователи страдают тяжелыми формами депрессии и видят жизнь в черном свете. Они замечают только плохое и трактуют все события только негативно. В секте наносится психическая травма, а затем сектанты переживают «посттравматический стресс».

При оказании им психологической помощи им нужно помочь осознать, что при всех негативных обстоятельствах они приобрели в секте жизненный опыт.

Бывшие члены сект крайне зависимы от чужого мнения. Они утратили самостоятельность мышления (свое «Я»), у них нет собственного мнения, они ждут руководства. Им нужно, чтобы кто-то их направлял. В секте за них думал лидер, а они были послушными исполнителями чужой воли, усмиряли гордыню, отказывались от собственного «Я», не имели своего мнения. В секте формируется

полная зависимость от лидера и заниженная самооценка, человек утрачивает способность самостоятельно принимать решения.

Многих бывших членов сект мучают ночные кошмары, они стыдятся того, что в секте занимались мошенничеством, проституцией и продажей наркотиков.

«Перепрограммирование» нередко приводит к нарушению целостности психики, к развитию психических расстройств. «Живые боги» и «пророки» страдают психическими отклонениями и искренне верят в реальность собственных видений и галлюцинаций [3, с. 14].

Характерные признаки шизофрении – слуховые, зрительные и тактильные галлюцинации (народное выражение – «напился до чертиков»); голоса, разговаривающие между собой в голове или приказывающие, диктующие человеку, что ему следует сделать; спутанность или нелогичность мыслей; бредовые идеи (например, «создание армии зомби» из убитых им людей – у Арсена Байрамбекова). Фундаментальные бредовые идеи: величия (мистический бред, бред мессианства, бред реформаторства), преследования и воздействия (бред колдовства), ипохондрические и вины (бред греховности и одержимости) [5, с. 27].

Религиозно-архаический бредовой комплекс отражает искаженные болезненным процессом религиозно-мистические переживания и включает религиозный (бред мистический, мессианства, реформаторства, греховности) и архаический (бред колдовства, одержимости) компоненты. «Наиболее brutальные формы – физическая агрессия и гомицидное поведение чаще всего наблюдаются при бреде колдовства» [5, с. 29]. На основе бредовых идей строятся ритуалы. Возможны такие психические расстройства, как шизофрения, гомицидомания и различные парафилии (некрофилия, некрофагия, педофилия).

Категория «религиозное помешательство» (*paranoia religiosa*) была описана В.П. Сербским в 1906 году. Синдром включал зрительные и слуховые галлюцинации религиозного содержания и религиозный бред о божественном призвании. Мужчины чаще отождествляли себя с пророками, женщины – с Христовыми невестами, поведение соответствовало фабуле бреда [6]. Э. Блейлер утверждал, что религиозное помешательство, «религиозные психозы» встречаются при всех психических заболеваниях, но чаще при шизофрении [1].

Содержание бреда отражает не только культуру определенного времени и значимые общественно-политические события, но и те особенности общественной жизни, которые обычно не освещаются прессой, а также господствующие страхи и суеверия, агрессивное возрождение религии, древних ритуалов и язычества [7].

Список литературы

1. Блейлер Э. Руководство по психиатрии / пер. изд. А.С. Розенталя. – Берлин: Издво «Врач», 1920. – 536 с.
2. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. – М., 1977. – 57 с.
3. Лири Т., Стюарт М. Технологии изменения сознания в деструктивных культах. Под ред. И. Митрофановой. Перевод с англ. – «Janusbooks», С-Пт:

«Экслибрис», 2002. – 224 с. URL:<http://www.leary.ru/books/cult/>(дата обращения: 12.05.2019).

4. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. Изд. Альпина Диджитал, 1974; Милгрэм С. Как хороший человек становится негодяем. Эксперименты о механизмах подчинения. Индивид в сетях общества. АСТ, 2017. – 320 с.

5. Пашковский В.Э. Религиозно-архаический бредовый комплекс (психопатология, нозологическая принадлежность, терапевтическая динамика): автореф. дис. докт. мед. наук. Спб., 2011.

6. Сербский В.П. Руководство к изучению душевных болезней. – М.: Студ. мед. изд. комис. им. Н.И. Пирогова, 1906.

7. Цой Р.А., Сим И.В., Молчанова Е.С. Отражение исторических событий в клинической картине параноидной шизофрении // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 9, № 1(42). – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 12.05.2019).

Конуркин И.С., Шибко А.Н., студенты IV курса, специальность «Клиническая психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – к. психол. н., доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Гудименко Ю.Ю.

Социально-психологические особенности личности террориста

Стать известным возможно не только лишь за счет политических, социальных или культурных достижений. На сегодняшний день остро стоит проблема терроризма. По телевидению, в сети интернет постоянно рассказывают об известных террористах, таких как Андрес Беринг Брейвик, Валид бин Атташ, Адам Гадан и многие другие. Для своевременного предотвращения террористических актов и осуществления эффективной профилактики, органам государственной власти, органам местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию терроризму, негосударственным организациям и объединениям, необходимо как можно подробнее изучать личность террористов, определять их психологический портрет, так как с его помощью возможно понять мотивы, цели преступного деяния террориста, состояние психики и условия формирования личности с негативными социальными установками.

Давая общую характеристику личности террориста, можно отметить, что это лица, трудно адаптирующиеся к общественным устоям и правилам. уверенные в себе, в собственном превосходстве и превосходстве над другими [1, с. 57].

Изучение признаков личности террориста, в настоящее время имеет огромное значение. Все же при этом довольно сложно создать четкий портрет преступника-террориста, который обладал бы свойственным только ему набором социологических и психологических черт.

Террористы, как и остальные категории преступников, довольно разнообразны, в связи с чем становится невозможным подогнать их под какой-либо единый тип. Именно поэтому исследователи решили отказаться от формирования единого, универсального типа, поскольку терроризм «возникает и развивается в долгих социальных и личностных процессах. Универсального террориста просто не существует». Принимая во внимание данное положение можно выделить лишь наиболее часто наблюдаемые психологические особенности террористов. Ввиду этого, каждая попытка поиска типов и классификаций такого рода, будет условна.

В науке все же совершаются попытки выработки определенных типов лиц, способных совершить террористический акт. Так некоторые ученые выделяют несколько категорий преступников-террористов.

Первое место среди них отводится террористу-фанатику, который чаще всего характеризуется, как религиозный фанатик. На втором месте выступает тип террориста-революционера, террориста агента спецслужб или террориста-профессионала [2, с. 5]. Все же данная классификация условна, хотя и имеет право на существование.

Криминологическая характеристика и классификация террористов в большей мере связана с классификацией типов и видов терроризма. Изучив историю развития этого явления в иностранных государствах и нашей стране, можно разделить террористов на некоторые группы:

- 1) идейные террористы;
- 2) террористы-одиночки;
- 3) криминальные террористы.

Однако, в данном случае довольно непросто отделить различие между преступником-террористом и обычным опасным преступником. При этом первый и второй типы психологически очень схожи и отличие носит субъективный характер. Оно заключается только в том, что вторые, в отличие от первых совершают теракты исключительно в одиночку.

Идейный террорист является «классическим» типом. Главной его чертой является идейность, которая выражается в одержимости определенной, зачастую политической, религиозной или национальной идеей. Для современной России данный тип террориста не характерен.

Террористы-одиночки тоже издавна известны науке. Чаще всего это лица у которых наблюдаются определенные особенности психики, например, это могут быть люди склонные к аутоагрессивным тенденциям, что предполагает способность и желание совершать террористические акты, или с некоторыми психическими аномалиями, не исключающими вменяемости.

Однако, как и первому типу им может быть присуща определенная идеологическая концепция. Ярким примером такого типа личности из современного зарубежного опыта может выступать Ли Харви Освальд - убийца президента Кеннеди. Данный тип, является с определенной стороны универсальным и характерным для множества стран. Но, не смотря на все вышесказанное, социально-психологическое лицо современного террориста определяется третьим типом, который был назван криминальным.

В большей мере это бывшие преступники, как правило ранее судимые и отбывавшие наказания за насильственные преступления, которых в настоящее время приняли в свои ряды вооруженные террористические формирования. Принципиальное отличие этой категории от первых двух в том, что у данного типа, практически полностью отсутствует какая-либо идейная мотивация. В основе их деяния лежит корыстная заинтересованность.

Таким образом, ранее наблюдаемая «нестандартность» современного терроризма, его криминальная сущность, находят отражение в личностных особенностях определенных категорий лиц.

Современный террорист — это, как правило, агрессивный, отчужденный, неоднократно привлекаемый к уголовной ответственности и отбывавший наказание представитель преступного мира, имеющий серьезный криминальный опыт, с довольно невысоким уровнем образования и практически полным отсутствием каких-либо духовных и идейных позывов [3, с. 3].

Теперь необходимо более детально рассмотреть характеристику идейных террористов и террористов-одиночек.

С точки зрения правоохранительных органов террористы-одиночки являются наиболее неуязвимыми. Отсутствие у них преступных связей и сугубо индивидуальная подготовка сильно усложняют работу по его предупреждению, поскольку предупреждение на ранней стадии становится невозможным и эффективно действовать правоохранительные органы могут лишь в ходе пресечения. В этом заключается опасность деятельности террористов-одиночек и именно этот признак служит основанием для выделения их в особый тип. Также опасность их действий заключается в том, что в значительной мере это лица с некоторыми психическими аномалиями. Зачастую, это сильно закомплексованные, невротичные люди, полные внутренних противоречий.

Террорист представляет собой особый, агрессивный тип, который ассоциируется с человеком, полностью лишенным внутренних ограничений. Как правило, у террористов-одиночек и идейных террористов процесс зарождения желания совершить преступление происходит в двух уровнях психики – идейно-политическом и морально-психологическом.

Морально-психологический уровень психики включает в себя совокупность различных субъективных, личностных проблем, таких как неуверенность, желание самоутвердиться, последствия пережитых психических травм, которые террорист пытается решить путем совершения террористических актов. В его основе, как правило, лежит чувство тревожности, которое возникает вследствие психологического отчуждения личности, причины которой необходимо искать в детских годах.

Идейно-политический уровень образуют самые разнообразные идеи, фантазии, мифы, которые пронизывают сознание террориста и выступают в качестве движущей на совершение преступления силы. Соотношение этих уровней в мотивации совершения терактов может быть разным, поскольку на первый план могут выходить как психологические факторы, так и какие-либо идеи.

Давая характеристику террористу можно выделить некоторые признаки, по которым можно его распознать в толпе. Чаще всего в целях маскировки взрывчатых, взрывных устройств, которые зачастую крепятся на теле террориста, используется свободная, просторная одежда, в результате чего возникают зрительные несоответствия между размерами головы и тела. В целях более полного сокрытия устройств они одевают верхнюю одежду, которая не всегда соответствует времени года и погоде.

Одежда серых, не броских тонов, отсутствуют яркие, заметные детали. Как отличительный элемент в одежде присутствует белый цвет (брюки, платок, пиджак и т.п.), по мусульманским традициям этот свидетельствует о том, что человек идет на «Самопожертвование». Также присутствуют попытки изменения внешности с помощью различных аксессуаров – усов, париков.

Террорист-смертник – это зачастую мужчина и для того, чтобы изменить как-либо свою внешность, он может сбрить, или наоборот отрастить бороду, усы, а волосы подстричь незадолго до дня предполагаемого теракта. В основном они одевают одежду европейской моды, это могут быть как брюки, так и шорты, хотя такой стиль одежды в исламе не приветствуется.

Женщина террорист имеет головной убор. Она может одевать не только плотные платки, но и легкие газовые повязки, кепки и бейсболки. Косынки завязываются на узел на затылочной части головы. Платок обязательно должен закрывать шею и уши. Одежда как можно более закрытая, как правило, это длинные платья или юбки. Платье или юбка однотонные, без рисунков, длиной ниже колен или почти до земли, рукава платья длинные. Даже в жаркую погоду она может быть одета в куртку или в плащ. Для того чтобы замаскировать взрывное устройство может быть замотан шарф вокруг бедер. Также нередко они прибегают к имитации беременности, чтобы еще более сильно скрыть взрывные приспособления. Макияж практически отсутствует либо имеет естественный вид.

Деятельность террористов не так уж просто распознать. Внешне они могут иметь абсолютно спокойный вид, но их неестественная бледность сразу бросается в глаза. В их движениях присутствует определенная заторможенность реакций, скованное, каменное лицо, не выражающее никаких эмоций. Губы могут быть сильно сжаты либо напротив, чуть заметно двигаться, так как некоторые террористы читают молитву перед совершением взрыва.

Вероятен и другой вариант их поведения. Террорист может быть заметно возбужден, у него может проявляться обильное выделение пота. Он резко двигается, быстро поворачивает голову, постоянно оглядывается, как будто опасаясь слежки.

Помимо этих признаков подозрение должны вызывать люди, которые:

- слишком бойко внедряются в толпу;
- опасаются полиции либо солдат;
- периодически ощупывают свою одежду, поправляют её;
- осмотрительно относятся к своим сумкам, прижимают их к себе и периодически их ощупывают;
- избегают взглядов глаза в глаза;
- стараются не попадать в видимость камер наружного наблюдения;

- неоднократно появляются в одних и тех же местах.

Главным оружием террориста-смертника (шахида) является взрывное устройство. Пояс шахида по форме напоминает выгнутую пластину. Поверх нее располагаются мешочки, которые начиняются обрезками гвоздей, гайками, стеклом. Все это крепится с помощью клеящейся ленты и помещается на широком ремне. Иницирует пояс шахида под действием электродетонатора или радиоуправляемого взрывателя. Также не редко используются взрывные устройства, помещаемые в чемоданы, сумки, детских колясках и т.п. Террорист, вплотную прижимает сумку к себе, постоянно находится в напряжении. Сумка на вид довольно тяжелая, из нее торчат провода, шнуры, неестественно выпирают вещи.

Хотелось бы отметить, что на основе вышесказанного, можно дать социально-криминологический «портрет» современного террориста, совершающего захваты заложников, похищения людей, криминальные взрывы и другие преступления подобного рода. В основной своей массе это молодые люди в возрасте до 40 лет, чаще всего не имеющие семьи.

Уровень образования довольно низок, зачастую не выходит за рамки средней школы. При этом «террористы нуждаются в постоянном пополнении своих рядов. Эффективнее всего они вербуют последователей из социально дезадаптированных и люмпинизированных групп с низким уровнем образования и культуры» [4, с. 60].

Практически каждый из них обладает преступным опытом: несколько судимостей с отбыванием наказания в местах лишения свободы за насильственные преступления, является членом незаконного вооруженного формирования. Характерна низкая степень положительных социальных связей.

Из всего сказанного вытекают следующие выводы, что невозможно выделить универсальный тип террориста, а можно лишь условно выделить некоторые признаки, характеризующие террориста, наиболее вероятными из которых являются представители криминальной среды и люди с психическим расстройством.

Список литературы

1. Эриашвили Н.Д. Терроризм и организованная преступность: монография / М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 245с.
2. Макарян Т.А. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста // Вестник экономической безопасности. 2011. №1. – С. 5-7.
3. Волкова Н.С. Психология личности террориста-смертника // Символ науки. 2016. №7-2. – С. 118-120.
4. Качалов В.В., Баранчикова М.В. Терроризм как глобальная проблема современности // Наука и практика. 2015. № 2 (63). – С. 59-61.

Конуркин И.С., Шибко А.Н., студенты IV курса, специальность «Клиническая психология»

г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – к. психол. н., доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Гудименко Ю.Ю.

Вторичная и третичная виктимизация несовершеннолетних жертв преступлений в медиа-пространстве: проблемные аспекты

Освещение в средствах массовой информации острых социальных вопросов является важнейшим способом привлечения внимания аудитории к существующим в обществе проблемам. Одной из самых популярных тем для обсуждения являются самые разные аспекты такого негативного социального явления, как преступность.

Публичные дискуссии в телевизионных программах по вопросам криминальной тематики, на первый взгляд, преследуют благие намерения: разобраться в причинах произошедшего, акцентировать внимание аудитории на несовершенстве правового регулирования, тем самым предупредить факты совершения новых аналогичных преступлений. Однако, деятельность средств массовой информации, и в первую очередь, телевидения, многофункциональна. Несложно догадаться, что в качестве одного из ее главенствующих направлений является эксплуатация социально-биологических потребностей аудитории: гедонистических, сексуальных, необходимости в эмоциональной разрядке и т. д. [4, с.60]. Немалое влияние на качественные характеристики контента оказывает коммерциализация средств массовой информации и конкурентная борьба за рейтинг, предполагающие использование определенных способов и приемов в процессе привлечения внимания к освещаемым материалам. Так, например, прием документализма и, даже, натурализма является одним из предпочтительных способов воздействия на аудиторию. В этой ситуации, своего рода «расходным материалом» в достижении СМИ своих целей, нередко становятся жертвы преступлений.

В виктимологии – научном направлении, основным предметом изучения которого являются жертвы противоправных деяний, выделяются феномены вторичной и третичной виктимизации. Это означает, что помимо негативных эмоциональных последствий самого факта совершения преступления (первичной виктимизации), жертва может быть вновь подвергнута тяжёлым моральным и нравственным переживаниям по поводу произошедшего с ней.

Вторичная виктимизация включает в себя случаи косвенного причинения вреда жертве, связанного с отношением к ней ближайшего окружения и социальной общности в целом. В этом случае, студия телешоу является своеобразной ареной для смакования подробностей совершенного преступления и дачи оценок произошедшего, а также личности потерпевшего со стороны широкого круга чужих, посторонних лиц, выражающих, зачастую, отнюдь не чувство сострадания.

Чёткая предубежденность в отношении «виновности» и «греховности» самой жертвы, явное негативное отношение к ней как к личности, чем-то запятнавшему себя и другие различные стереотипы общественного мнения обрекают жертв преступлений на новые страдания.

Особенно сильно подвержены вторичной виктимизации жертвы преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, а также потерпевшие от внутрисемейного насилия. Например, общество может рассматривать жертву изнасилования (особенно если до этого она не имела сексуальных контактов) как «испорченную». В традиционных культурах вторичная виктимизация может принимать формы общественного отвержения, изоляции или даже институционального наказания жертвы, например, запрета на вступление в брак.

Для обозначения общественного обвинения в сторону жертвы преступления, хорошо известного в человеческой истории и психологии, американским психологом Уилямом Райаном за рубежом в научный оборот впервые был введен специальный термин – виктимблейминг (victim blaming - обвинение жертвы) [9, с.121]. Например, в рамках социальной психологии, обвинение жертвы основывается на так называемой вере в справедливый мир. Вера в справедливый мир — это когнитивное искажение, при котором человек верует в то, что любое действие вызывает закономерные и предсказуемые последствия и даже мысль о том, что несчастье может произойти с кем-либо совершенно случайно, противоречит данной концепции. В связи с этим, даже очевидно несправедливое событие интерпретируется, связывается с особенностями поведения или свойствами жертвы, в результате чего происходит её обвинение и принижение.

При этом публичность и открытость обсуждений в СМИ фактов совершения преступлений, безусловно, усиливает пагубное воздействие таких оценок на эмоциональное состояние жертвы, способствует ее закрытости, отчуждению и десоциализации. В конечном счете, все это может привести к стигматизации индивида – такому состоянию, когда человек полностью идентифицирует себя с ролью жертвы вследствие присвоения указанным обществом ярлыка.

Третичная виктимизация представляет собой использование образа жертвы представителями СМИ в своих целях.

Эксплуатация «горячих» новостей с психическим травмированием жертвы, крайне назойливое проникновение в личную жизнь, использование правового статуса и позиций жертвы не во благо, а во вред ей – содержательный перечень такой виктимизации, который можно было бы продолжить и далее.

Проблема изложенных выше результатов взаимодействия жертв преступлений со СМИ в последние годы очень актуальна для Российской Федерации. Например, в 2015 году жертвой массового виктимблейминга, повлекшего за собой несколько попыток самоубийства, стала восемнадцатилетняя студентка МАДИ, в отношении которой были совершены насильственные действия сексуального характера. Поводом для общественного осуждения стали

видеодоказательства провоцирующего поведения жертвы, которые приобрели широкую известность в ходе публичных дискуссий на самых разных ток-шоу [3].

Особенно хотелось бы отметить ситуации привлечения к публичным обсуждениям несовершеннолетних жертв преступлений. В течение двух прошедших лет к участию в многочисленных телевизионных проектах была привлечена шестнадцатилетняя жертва изнасилования, демонстрировавшая виктимное поведение в предкриминальной ситуации. Последствия такого участия – массовый виктимблейминг, госпитализация в психиатрический стационар, смена места жительства, проблемы с трудоустройством у родителей жертвы [4, с.62].

О недопустимости эксплуатации образа ребенка в качестве жертвы преступления в СМИ было заявлено в ходе парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы обеспечения безопасности и развития детей в информационном пространстве», прошедших в апреле 2017 года. В качестве важной проблемы было указано привлечение средствами массовой информации подростков – жертв преступлений для участия в различных телепроектах с разглашением их персональных данных вопреки законодательным запретам [6].

На сегодняшний день на основании ст. 4 и пп.1-3 ст. 41 Закона РФ «О средствах массовой информации» [2] запрещается распространение в СМИ информации, позволяющей прямо или косвенно установить личность несовершеннолетнего, ставшего жертвой преступного посягательства. Исключением из этого правила являются случаи, когда распространение такой информации осуществляется в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, пострадавшего в результате противоправного деяния. В таких случаях необходимо получение согласия несовершеннолетнего, достигшего четырнадцатилетнего возраста и его законного представителя. Согласия одного лишь законного представителя является достаточным, если несовершеннолетний не достиг возраста 14 лет. Если же получить такое согласие невозможно, либо если законный представитель несовершеннолетнего является подозреваемым или обвиняемым в совершении данных противоправных действий, то распространение данных допустимо вовсе без согласования с указанными лицами.

Рассматривая ограничения, содержащиеся в Законе РФ «О средствах массовой информации» через призму концепции теории мер безопасности, разработанную профессором Н.В. Щедриным [7, с.29], можно сделать вывод, что несовершеннолетний представляется объектом охраны, а общество – источником опасности, создающим угрозу его физическому и психологическому благополучию.

В процессе поиска совершенствования способов ограждения несовершеннолетних жертв преступлений от негативных последствий взаимодействия со СМИ, в декабре 2017 г. в Совете Федерации было высказано предложение о внесении изменений в Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации», согласно которым предполагается установить полный и безусловный запрет на привлечение детей-жертв преступлений против половой неприкосновенности к публичному обсуждению таких преступлений на

телепередачах, в ток-шоу, в социальных сетях до вынесения приговора суда по уголовному делу [2, с. 28].

Если посмотреть на это с одной стороны, то введение подобной меры смогло бы оградить несовершеннолетних жертв преступлений от третичной виктимизации и сократить масштабы вторичной только лишь до возможного негативного воздействия со стороны ближайшего окружения. Вместе с тем, не понятны основания для введения временных рамок действия запрета. Представляется, что последствия эксплуатации образа ребенка в качестве жертвы преступления в СМИ после вынесения приговора ничем не отличаются от последствий таких злоупотреблений, имевших место до вынесения приговора суда. К тому же, кардинальное решение вопроса, связанное с введением законодательного запрета, не лишено спорных моментов.

Во-первых, свобода информационного обмена и право на получение, а также распространение информации является неотъемлемым правом человека в большинстве государств. Так, например, п. 1 ст. 1 и п. 1 ст. 2 Основного закона Федеративной Республики Германия предусмотрено, что каждый имеет право на свободное развитие своей личности в той мере, в какой он не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй или нравственный закон; достоинство человека неприкосновенно; уважать и защищать его – обязанность всей системы государственной власти. Этими нормативными положениями, как подчеркнул Конституционный Суд ФРГ в «Решении о переписи населения» 1983 года, гарантируется право каждого на информационное самоопределение [8]. На основании ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [5, с.5]. Таким образом, законодательное принуждение на изъятие несовершеннолетнего потерпевшего из информационного пространства без его согласия вступает в противоречие как с национальной, так и зарубежной конституционной платформой построения демократического общества, где каждый вправе самостоятельно определять линию собственных действий, если это не нарушает прав других лиц.

Во-вторых, ряд немецких исследователей настаивает на том, что недопустимо препятствовать желанию жертвы публично высказаться, поскольку этот процесс является своего рода «освобождением» от пережитых негативных эмоций, что является важной составляющей реабилитационной терапии [9, с. 207]. Конечно, в этих целях существуют специализированные центры оказания психологической помощи, где терапевтические мероприятия могут проходить за закрытыми дверями, исключая возможность повторного травмирования жертвы.

Еще одним аргументом против введения законодательного запрета на участие несовершеннолетних жертв преступлений в публичных обсуждениях, является, лишение их, таким образом, права на получение вознаграждения за интервью или участие в ток-шоу. В ситуации, когда жертва преступлений не получает должной государственной поддержки, данная возможность представляется абсолютно не лишней. Так, известная на весь мир австрийская девочка Наташа Кампуш, проведшая в плену у своего похитителя 8 лет и сумевшая спастись бегством, благодаря гонорарам за эксклюзивные интервью

сумела не только устроить свою жизнь, но и имела возможность материально поддержать других жертв преступлений, связанных с насилием, занимаясь благотворительностью [6].

Таким образом, вопрос ограждения несовершеннолетних жертв преступлений от негативных последствий взаимодействия со СМИ представляется важным для разрешения. Запретительные меры не являются единственно верным решением проблемы, поскольку содержат в себе ряд обстоятельств, способных негативно отразиться на желаниях и потребностях жертв преступления, исключают активное участие в этом процессе разнопрофильных специалистов и общественности.

Список литературы

1. Жертва сексуального преступления проходит лечение в одной из столичных клиник [Электронный ресурс] <https://www.krsk.kp.ru/daily/26664/3686428/> (дата обращения: 11.05.2019 г.)
2. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» № 2124 –I // Российская газета. – 1992. №32. – 128 с.
3. Изнасилованная студентами МАДИ девушка после травли в Интернете бросилась на рельсы в метро [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26553.5/3572811/> (дата обращения: 11.05.2019 г.)
4. Клочкова А.В. Специфика подхода СМИ к материалам криминальной проблематики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. №2. С. 58-69.
5. Конституция Российской Федерации, 1993. – 64 с.
6. Мизулина: СМИ еще больше травмируют детей-жертв сексуальных преступлений [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/356d6886> (дата обращения: 11.05.2019 г.)
7. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 1999. – 180 с.
8. Grundgesetze fuer die Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/> (дата обращения: 12.05.2019 г.)
9. Ryan W. Blaming the Victim. Vintage Books Edition, 1976. – 368 с.

Кузнецова К.О., Валиева Н.С. студентки III курса, специальность «Клиническая психология», г.Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.

Японская анимация как фактор виктимизации подростков и юношей

За последнее время в мире набирает популярность японская анимация, большая часть которой рассчитана на подростковую и взрослую аудиторию. О популярности данного вида анимации в России можно судить лишь по количеству участников в тематических форумах. Так, на AnimeForum.ru, крупнейшем в рунете сообществе любителей аниме, ежемесячная аудитория составляет более 70 тысяч уникальных посетителей, среди которых 80% проживают в Российской Федерации в возрасте от 17 до 35 лет [2].

Любой мультфильм оказывает воздействие на психику — это одно из назначений искусства, в том числе анимационного. Но аниме как вид мультипликации является продуктом японской культуры, заметно отличающейся от культуры европейских народов. Так, воспитательный момент японской анимации может восприниматься как ненужный элемент событий или приобретать негативный оттенок, т.е. предьявлять новые ценностные установки, не соответствующие культуре смотрящего.

Формирование личности происходит в течение всей жизни, но в виктимологической профилактике период взросления человека наиболее важен. Необходимо отметить, что на потребностно-мотивационную сферу личности подростков и юношей влияют традиции народа, уровень культуры и ценностные ориентации общества [6].

Под понятием индивидуальной виктимности понимают субъективно повышенную предрасположенность человека стать жертвой преступления [3].

Дмитриева И.А. отмечает, что средством общей виктимной профилактики является правовое воспитание и самопознание. Также уровень рефлексивности выступает одним из эффективных диагностических средств особенностей индивидуальной виктимности [4].

Между личностью человека и его поведением существует неразрывная связь. Личность и ее психические свойства «одновременно и предпосылка, и результат ее деятельности. Внутреннее психическое содержание поведения, складывающееся в условиях определенной ситуации, особенно значимой для личности, переходит в относительно устойчивые свойства личности, а свойства личности, в свою очередь, сказываются в ее поведении» [1].

Из результатов анализа различных подходов к пониманию феномена виктимизации (О. О. Андронникова, И. Г. Малкина-Пых, К. Миядзава, Д. В. Ривман, В. Я. Рыбальская, А. В. Туляков и др.) можно определить, что малоизученными остаются проблемы генезиса виктимного поведения, системы факторов, детерминирующих его возникновение у подростков и юношей [5].

Так как искусство может влиять на мировоззрение личности, возникает вопрос о воздействии предпочитаемого жанра фильма на степень виктимогенной уязвимости.

Исходя из сказанного, мы поставили перед собой цель исследовать и описать особенности виктимного поведения, рефлексивности и поведения в конфликтной ситуации подростков, увлекающихся японской анимацией. Гипотезой нашего исследования было предположение о том, что анимешники имеют высокий уровень индивидуальной виктимности, средний уровень рефлексивности и компромисс как способ регулирования конфликтов.

Объектом выступили виктимное поведение, рефлексивность и предрасположенность к конфликтному поведению анимешников, а предметом влияние японской анимации на формирование виктимного поведения.

Для проведения эмпирического исследования нами были использованы следующие методики:

1. Методика «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» (Белян Д. М., Дмитриева И. А., Кибальченко И. А.)

Цель: выявление уровня потенциальной индивидуальной виктимности.

2. Методика «Диагностика уровня развития рефлексивности» (Карпов А. В.)

Цель: определение уровня развития рефлексии у личности.

3. Опросник «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас)

Цель: изучение личностной предрасположенности к конфликтному поведению, выявление определенных стилей разрешения конфликтной ситуации.

Выборку составили подростки и юноши, увлекающиеся японской анимацией в количестве 25 человек. Среди них 11 юношей и 14 девушек в возрасте от 16 до 20 лет.

Были проведены эмпирические исследования с целью выявления особенностей виктимного поведения, рефлексивности и предрасположенности к конфликтному поведению подростков, увлекающихся японской анимацией.

При исследовании потенциальной индивидуальной виктимности по методике «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» были получены следующие результаты (Рисунок 1):

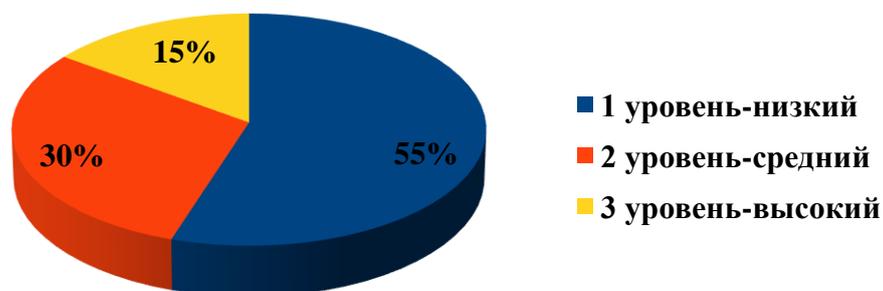

Рисунок 1. Результаты исследования подростков, увлекающихся японской анимацией по методике «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности»

Для подростков, увлекающихся японской анимацией наиболее характерен низкий уровень виктимности. Так, у 55% респондентов низкая вероятность стать жертвой. Это можно объяснить тем, что подростки, увлекающиеся японской анимацией, нечасто попадают в критические ситуации, так как их особенности их увлечения не предполагают физическую активность и социальные контакты. Они неким образом уходят в другую реальность — аниме и абстрагируются от внешних раздражителей — школы, общения со сверстниками, отношений с родителями, которые перестают быть субъективно значимыми. Таким образом они избегают всяческих конфликтов и стрессовых ситуаций.

При исследовании уровня развития рефлексии по методике «Диагностика уровня развития рефлексивности» были получены следующие результаты (Рисунок 2):

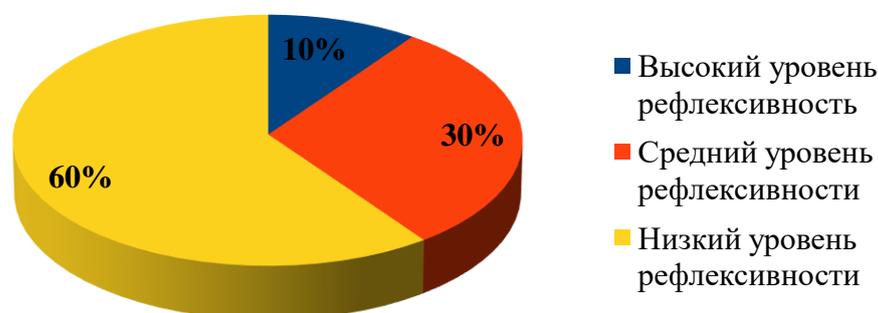

Рисунок 2. Результаты исследования подростков, увлекающихся японской анимацией по методике «Диагностика уровня развития рефлексивности»

Для подростков, увлекающихся японской анимацией наиболее характерен низкий уровень рефлексивности. Так, у 60% респондентов не сформированы процессы самопознания, низкий самоконтроль в поведении, недостаточное осмысление элементов актуальной ситуации, нет анализа происходящего. Они не способны к соотнесению своих действий с контекстом ситуации и адаптации к изменяющимся условиям. Большая часть анимешников не может анализировать происходящие, прошедшие события, прогнозировать и принимать решения. Респонденты не уверены в своем будущем и испытывают трудности в использовании своего опыта. Это можно объяснить возрастом испытуемых, а также их погруженностью в фантастические миры, показываемые в аниме, где их привлекает яркая картинка. Однако им сложно проводить анализ поведения героев из-за различий в ценностных ориентациях русской и японской культурах.

При исследовании стиля разрешения конфликтной ситуации по методике «Стиль поведения в конфликте» были получены следующие результаты (Рисунок 3):

Стиль поведения в конфликте

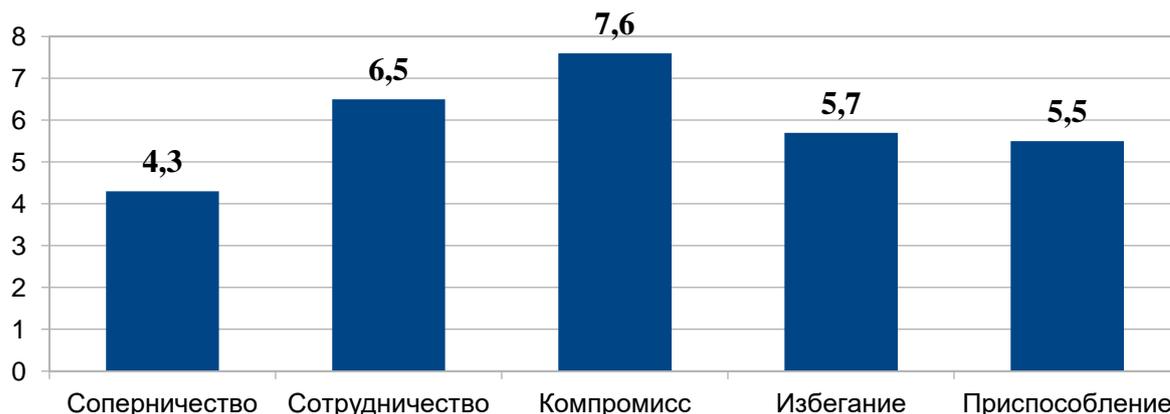

Рисунок 3. Результаты исследования подростков, увлекающихся японской анимацией по методике «Стиль поведения в конфликте»

Для подростков, увлекающихся японской анимацией наиболее характерны такие способы регулирования конфликтов как компромисс и сотрудничество. Респонденты стараются прийти к соглашению, чаще путем взаимных уступок. Можно предположить, что этому способствует незаинтересованность подростков в конфликте, как и в иных формах социального контакта — им проще пойти на уступки, чем отстаивать свою позицию. Мирное сосуществование с окружающими, которое предполагает компромиссное поведение, обеспечивает им спокойную и удобную среду.

Так, суммируя выявленные особенности подростков, увлекающихся японской анимацией — низкий уровень рефлексивности, низкий уровень виктимности, компромисс как способ регулирования конфликтов — можно составить приблизительную модель виктимного поведения анимешника. Такие подростки не будут оказывать сопротивления преступнику по различным причинам: в силу возраста, физической слабости, боязни за собственную жизнь, из нежелания брать ответственность за собственные противоправные действия. Анимешники могут иметь установку на беспомощность, т.е. нежелание делать что-то самому, возможно, по причине низкой самооценки. Если такие подростки всё же вовлекаются в кризисные ситуации, то с целью получения сочувствия и поддержки окружающих, что является ролевой позицией жертвы. Анимешники склонны к зависимому поведению, уступчивы, оправдывают чужую агрессию, склонны всех прощать, стараются прийти к соглашению путем взаимных уступок.

Таким образом, в результате исследования мы частично опровергли нашу гипотезу. Так, подросткам, увлекающимся японской анимацией свойственен низкий уровень индивидуальной виктимности, низкий уровень рефлексивности и компромисс как способ регулирования конфликтов. Полученные результаты могут быть использованы в психотерапии подростков. Данное исследование можно продолжить, изучая влияние других жанров фильмов на подростков и юношей.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология/Г.М.Андреева . М.: Мысль, 1997. 327 с
2. Аниме-Форум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.animeforum.ru/index.php?s> (дата обращения: 13.05.2019).
3. Бовть О.Б. Взаимосвязь стратегий поведения в конфликте с типом виктимного поведения подростков // О.Б. Бовть // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития.-№3-2015.с.261-264.
4. Дмитриева И.А., Кибальченко И.А. Рефлексивная самооценка потенциальной индивидуальной виктимности студентов вуза //И .А. Дмитриева, И.А. Кибальченко// Известия Южного федерального университета. Технические науки.-№4.-2012.с.114-121.
5. Мудрик А. В. Человек - объект, субъект и жертва социализации // А.В.Мудрик //Изв. РАО. 2008. № 8. С. 48-57.
6. Щеголева А.Н., Новикова Е.П. Особенности виктимности несовершеннолетних и пути ее снижения //А.Н. Щеголева,Е.П. Новикова//Вестник Воронежского института МВД России.№1-2015. - с.190-196.

Ларионова Е.А., Ткачева Д.Е. студентки III курса, направление «Клиническая психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.

Виктимная социализация личности

Виктимность (виктимогенность) – усвоенные человеком физические, психические и социальные особенности, которые при неблагоприятных условиях могут сделать его склонным к превращению в жертву разного рода (преступления, несчастного случая и т.д.). **Виктимная социализация** (или виктимизация) же подразумевает под собой сам процесс, а также результат превращения лица в жертву. Таким образом, в одном понятие «виктимизация» объединена как динамика (реализация виктимности), так и статика (реализованная виктимность) [2].

Определяя место виктимного поведения в системе девиаций, Т. В. Барчук и К. В. Вишневецкий выделили такие его признаки, как асоциальный или социально нейтральный характер; аутодеструктивность; криминогенность. Учитывая эти свойства, виктимное поведение может быть отнесено как к асоциальному, так и к аутодеструктивному виду девиаций [1].

Термин «социализация» рассматривается как процесс вхождения человека в мир конкретных социальных связей и кооперации в разнообразные типы социальных общностей через нормы, культуру и ценности, на основе которых формируются социально значимые черты общества [3].

Процесс и результат социализации предполагает наличие внутреннего противоречия, внутреннего конфликта. Успешная социализация характеризуется эффективной адаптацией человека в обществе, с одной стороны, а с другой – способностью в умеренном количестве проявлять демонстративность, оппозиционность (как возражение обществу, его устоям и нормам), в части тех жизненных непростых ситуаций, которые мешают саморазвитию, самоактуализации, самореализации, самоутверждению личности. Другими словами, эффективная социализация предполагает наличие определенного баланса между адаптацией в обществе и обособлением в нем. Человек, не сумевший адаптироваться в обществе, с большой вероятностью рискует стать жертвой социализации – девиантом, субъектом виктимной социализации [3].

Выделяются субъективные и объективные факторы виктимизации. А.В.Мудрик к факторам, независящим от человека (объективным) относит: семью; сверстников, окружающих индивида; поселение (город, деревня, поселок, село и т.д.); государство; природно-климатические условия [3, с. 586-592];

К субъективным факторам он относит: индивидуальные особенности человека, что в свою очередь зависит от типа нервной системы, типа темперамента, характера, генетической предрасположенности к девиантному поведению [3, с. 595-596].

Виктимизация также может протекать на фоне уже сформированных при жизни или в процессе социализации и самовоспитания качеств (особенности эмоционально-волевой сферы, способность к рефлексии, восприятие себя жертвой). И объективные и субъективные факторы могут проявляться в разном возрасте, на разных этапах жизни человека [3].

Причины, объясняющие виктимное поведение, представлены Е. В. Руденским:

1. **Крайне низкая самооценка, неуверенность в себе.** Вполне вероятно, что если ребенку в детстве не хватало родительской любви (*«деривационный виктимизм»*, термин Е. В. Руденского) или он не воспитывался семьей, родителями, подвергался издевательствам со стороны сверстников, учителей. Индивиды, имеющие низкую самооценку отличаются растерянностью, пугливостью и т.д. [4].

2. Вторая причина – **зависимость индивида от мнения окружающих его людей.** Инфантильность, присущая данным людям заставляет их быть легко внушаемыми, а значит, психологически податливыми всевозможным манипуляциям агрессоров.

3. **Страх толпы, а точнее, боязнь выделиться.** Этот феномен также может быть родом из детства, точнее из школьной поры. Каждый делает ровно то, что от него требуется. Школа имеет нормированный, строгий учебный процесс, отклонения от этой нормы никогда не приветствуются и не поощряются. Вполне возможно, что этот «школьный рефлекс» останется с человеком надолго, даже после окончания школы. Между тем, во взрослой жизни могут быть сложные бытийные ситуации и, столкнувшись с ними, человек окажется беззащитным и одиноким. Агрессоры чувствуют подобную беззащитность и умело пользуются ею [4].

4. **Страх неудачи**, который, по мнению подростка-виктима, обязательно должен наступить. Это можно считать одной из главных причин виктимного поведения человека. Страх, как известно, – это сигнал тревоги, вызывающий вероятные защитные действия человека, главной целью которых является остаться живым и невредимым [4].

На личностном уровне предрасположенность к тому, чтобы стать жертвой тех или иных неблагоприятных условий социализации, зависит от многих личностных характеристик, которые в одних и тех же условиях могут способствовать или препятствовать виктимизации подростка. К таковым характеристикам, в частности, можно отнести степень устойчивости и меру гибкости человека, развитость у него рефлексии и саморегуляции, его ценностные ориентации и т.д. От наличия и развитости у человека этих характеристик во многом зависит то, в состоянии ли он и в какой мере противостоять и сопротивляться различным опасностям, с которыми сталкивается, а также прямому негативному влиянию окружающих [4].

Виктимная личность как феномен имеет следующие основные социально-психологические индикаторы:

тревожность;

- 1) эмоциональная ригидность;
- 2) эмоциональная вязкость;
- 3) эмоциональная монотонность;
- 4) эмоциональное огрубление;
- 5) эмоциональная тупость;
- 6) утрата эмоционального резонанса;
- 7) алекситимия.

Представленные социально-психологические индикаторы виктимной личности характеризуют нарушения в эмоционально-волевой и когнитивной сферах. Эти нарушения А. Эллис (американский психолог, автор рационально-эмоциональной поведенческой терапии) назвал иррациональными установками, порождаемыми «активизирующей ситуацией» [4].

Социальные факторы виктимизации:

1. **Влияние особенностей социального контроля в государстве**, а конкретнее, в обществе, в котором проживает человек. Социальный контроль действует на всех уровнях социальных отношений, как формальных, так и межличностных. Исходя из этого, можно предположить, что образ жизни человека способствует, либо препятствует виктимизации.

2. **Снижение адаптации** людей в связи с быстроменяющимися условиями жизни.

3. **Психологические стрессы**, напряжения, перегрузка, которую испытывает население. Отсюда вытекает рост появлений сердечнососудистых заболеваний, снижение иммунной системы, ограничения возможности самореализации [4].

Таким образом, социальная виктимизация личности имеет важное место в структуре виктимологии, криминальной психологии и не только, и требует дальнейших изучений и исследований.

Список литературы

1. Барчук Т. Б., Вишневецкий К. Б. Виктимология: учеб, пособие / под ред. С. Я. Лебедева. М., 2012. С. 69
2. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 1008 е.: ил. – (Справочник практического психолога).
3. Мудрик А.В. Социализация человека – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 624 с.
4. Руденский Е. В. Депривационный виктимизм как социально-психологический механизм онтогенеза личной виктимности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 141-146.

Скупейко А.А., студентка II курса, направления «Клиническая психология» г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Мельникова А.Ю., студентка II курса, направления «Клиническая психология» г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.

Факторы, влияющие на психологическое состояние жертвы

Актуальность данной работы обусловлена тем, что с каждым годом в России непрерывно растет число совершенных преступлений, при этом жертвой преступления может оказаться любой из нас. Это может быть нападение на улице, в магазине, на просторах всемирной паутины и даже в нашем собственном доме, поэтому так важно изучить факторы, которые влияют на психологическое состояние жертвы. И какова сама причастность и роль жертвы в преступлении. Полученные данные могут быть использованы для разработки определенных программ по предупреждению преступлений.

В современной криминологической теории и практике одним из перспективных направлений является виктимология. Целью этой дисциплины является всестороннее исследование личности жертвы и виктимизации. Данный процесс заключается в том, что индивид приобретает такие черты и признаки, которые превращают его в потерпевшего, жертву. Виктимность понимается как совокупность таких свойств человека, которые способствуют дезадаптивному стилю реагирования индивида на реальность, что приводит к ущербу его физического и психического здоровья. Виктимное поведение осуществляется в совокупности психических, моральных и социальных проявлений. И, соответственно, виктимная личность – это личность типа жертвы. Считается, что в зависимости от определенных жизненных обстоятельств определяется степень потенциальной виктимности индивида. То есть, те качества личности, которые

составляют ее виктимный потенциал, довольно относительны, и объективируются лишь как элементы общей системы «человек-среда» в контексте адаптационной реакции.

В современном мире все больше увеличивается рост преступности и потенциальных жертв, это означает, что криминологическое предупреждение оказывается недостаточно эффективным в борьбе с преступностью. По статистическим данным в России ежегодно регистрируется более 1,5 млн. потерпевших. По официальным данным МВД за 2015 год жертвами преступлений со смертельным исходом стали 32940 человек, причем в Москве наблюдалось наибольшее снижение преступности, а в Ненецком автономном округе оно возросло до 75% .[6, с. 58-59] Такая ежегодная статистика говорит нам о том, что необходимо изучать поведение жертвы в конкретном преступлении, это является важным условием для уменьшения числа пострадавших от преступлений и, соответственно, разработка новых, более действенных средств от правонарушений. Так, например, Т.В.Варчук писала о том, что наука должна предлагать практические рекомендации, которые будут способствовать выработке модели поведения, которая если не исключит вовсе, то хотя бы минимизирует возможность осуществления противоправных действий против личности. [1, с. 5] Именно этими перечисленными проблемами объясняется актуальность исследования данной темы.

Отметим, что некоторые исследователи, такие как Берри Рубак, Мартин С. Гринберг, Т.П.Будякова и В.Е.Христенко считают, что на возможность оказаться человеком жертвой преступления влияют не только социальные, но и морально-психологические характеристики индивида. На сегодняшний день существует огромное количество типологий для определения вида жертвы, но, пожалуй, самой распространенной является классификация Д.В.Ривмана. Он считает, что классифицировать жертв необходимо по следующим параметрам: полу, возрасту, ролевому статусу, нравственно-психологическим признакам, тяжести преступления, степени вины жертвы. Так, по предложенной классификации, жертва правонарушения в зависимости от своего характера поведения может быть:

1. Агрессивной. Поведение жертв проявляется в таких формах агрессии, как оскорбления, клевета, издевательства, то есть она ведет себя агрессивно по отношению к тому, кто причиняет ей вред.
2. Активного типа. Представители данного типа ведут себя так, что сами способствуют причинению вреда себе, но в тоже время их поведение не является конфликтным или агрессивным (самопричинители и подстрекатели).
3. Инициативной. Поведение такой личности положительно, но оно ведет к причинению вреда этому индивиду из-за личностных особенностей, по должности или общественному положению.
4. Пассивной. Поведение такой личности не оказывает никакого сопротивления преступнику по различным на то причинам: она может быть не способна к сопротивлению в силу своих физических особенностей, возраста, трусости.

5. Некритичного типа. Поведение таких личностей проявляется в неумении правильно оценивать жизненные ситуации и неосмотрительности. [4, с. 54]

Также Д.В.Ривман дает классификацию относительно того, как выражены личностные качества человека, которые определяют его потенциальную уязвимость от различных преступлений. В своей классификации он приводит следующие типы:

1. Универсальный. Представителям данного типа присущи такие личностные черты, которые определяют их высокую потенциальную уязвимость в различных видах преступлений.

2. Избирательный. Индивиды, относящиеся к предложенному типу, особо уязвимы в конкретных видах правонарушений.

3. Ситуативный. Таким индивидам присуще средняя виктимность, то есть они становятся подвержены преступлению и-за обусловленных ситуацией факторов.

4. Случайный. Такие индивиды оказываются на месте жертв преступления из-за неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств, то есть случайно.

5. Профессиональный. Такие индивиды становятся виктивными из-за своей профессиональной деятельности. [4, с. 43]

На основе всего выше перечисленного можно сделать вывод о том, что при выделении психологических факторов лиц, которые рискуют быть подвержены преступлению, можно заключить, что они ведут себя совершенно отлично друг от друга: агрессивуют или провоцируют; пассивно уступают преступнику; они могут быть элементарно неосмотрительными или проявлять полное непонимание ухищрений преступника. Поведение людей, подверженных преступлению, может быть правомерным, противоправным или даже преступным, а иногда и играть решающую роль в совершении преступления. Так, для каждого типа жертв характерно определенное поведение. Например, по статистике жертвы убийств более других склонны к агрессии и риску и также являются конфликтными, а жертвы мошенников более доверчивы и суеверны и часто имеют материальные трудности. [2, с. 27]

Представленные характеристики личности составляют ее психологический аспект виктимности.

Также существует классификация психологических типов жертв, предложенная Ханс фон Гентигом.

1. Депрессивный тип. Те, кто относится к данной категории, могут пострадать из-за подавленного инстинкта самосохранения.

2. Жадный тип. Индивиды, относящиеся к данной категории, из-за чрезмерного стремления к выгоде теряют жизненный опыт, вследствие разум может затуманиться и, соответственно, они становятся легкой жертвой.

3. Экстравагантный тип. Для представителей этой категории характерно поведение, выходящее за общепринятые рамки.

4. Одинокие и «убитые горем» жертвы. У таких индивидов вследствие одиночества идет ослабление умственных способностей, а у убитых горем из-за

испытываемого шока от своих потерь теряется достаточный уровень саморегуляции, что делает их легкой добычей для преступников.

5. Мучитель. В таких случаях жертва сама становится преступником.

6. «Блокированная жертва». В такой ситуации жертва оказывается настолько сбитой с толку, что защитные реакции становятся для нее невозможными.[1, с. 72]

Нельзя не отметить, что существуют социально-психологические явления, которые порождают преступность и влияют на психологическое состояние жертв. Это семейно-бытовые конфликты, правовой нигилизм, национализм, социальная напряженность и т.д.

Особое внимание стоит уделять особенностям психики жертвы в определенный промежуток времени. Ведь, такие психологические состояния, как усталость, эйфория, депрессия могут значительно повлиять на поведение личности, а значит, и на исход событий.

Многие ученые делают акцент, что такие чувства, как страх, фобия, тревожность или, наоборот, чувство превосходства и чрезмерная уверенность в себе также могут формировать виктимное поведение жертвы.

Психолог И. Г. Малкина-Пых считает, что главным фактором является несформированная или негативная Я-концепция. При неблагоприятной Я-концепции (слабая вера в себя, боязнь отказов, низкая самооценка) у личности развивается виктимность. [3]

Также существуют внутренние психологические факторы виктимности: это потребность в престиже, в самоуважении, потребность в риске, эмоциональная неустойчивость, агрессивность, наличие акцентуации характера, отклонения в психическом развитии, низкое самоуважение, неадекватная самооценка. [5]

Опираясь на подробный анализ различных исследований, можно отметить конкретные факторы, влияющие на психологическое состояние жертвы. Основным фактором будут выступать особенности возраста и пола. Например, повышенный эгоцентризм, склонность к сопротивлению, упрямству, протесту, стремление к неизвестному и рискованному, незрелость нравственных убеждений, обостренное стремление к взрослению, низкая переносимость трудностей у подростков может приводить к виктимному поведению. Следующим значимым фактором является состояние здоровья. Так, человек с ограниченными возможностями или с психическими расстройствами обладает повышенной уязвимостью. При этом на состояние здоровья влияет стресс. Еще факторами будут выступать положение в обществе, взаимоотношения с окружением и характер работы, материальное благополучие. Вредные привычки, как аддикция к алкоголю, наркотикам и азартным играм также можно отнести к таким факторам.

Таким образом, изучение психологических особенностей жертв является важной проблемой виктимологии, потому что это позволяет составить общий портрет личности, которая может быть подвергнута преступлению, а это в свою очередь может помочь специалистам лучше понять личность преступника и, следовательно, проводить профилактическую работу с виктимными личностями для предотвращения преступлений в дальнейшем.

Список литературы

1. Варчук Т.В. Виктимология: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юристы» / Т.В. Варчук, К.В. Вишневецкий; под ред. С.Я. Лебедева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 191 с.
2. Максименков А.А., Майоров А.В. Психологические аспекты виктимности // Виктимология. – 2015. – №4(6). – С. 26-30.
3. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. – М.: Эксмо, 2006. – 1008 с.
4. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
5. Фельдман Д. В. Теоретико-методологические основы изучения социально-психологических условий влияния стратегии жизни на уровень виктимности молодежи // Социальная политика и социология. - 2012. - № 8. - С. 236-254.
6. Филиппова Е. О. Виктимология: учебное пособие // Е. О. Филиппова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т" . - Оренбург : ОГУ. - 2017. - 279 с.

Соловьева Е.А., студентка II курса, направление «Психология», специальность «Клиническая психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – к. психол. н., доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Гудименко Ю.Ю.

Буллинг: педагог в роли «жертвы»

Школьный буллинг – это серьезная социально-педагогическая проблема. Впервые данный термин был введен английским журналистом Эндрю Адамсом в начале девяностых годов XX века [8]. Авторы по-разному подходили к трактовке понятия «буллинг». Одни считали, что «буллинг» - это насилие, другие твердили, что это тип деструктивного взаимодействия, а третьи рассматривали «буллинг» как вид поведения [2]. Всеобъемлющий характер носит определение Е. Роланда: «Буллинг представляет собой длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации» [1].

Изучением феномена буллинга занимались отечественные и зарубежные учёные. Первые исследования проводились скандинавскими учеными (Д. Олвеус, Е. Роланд, П. Хайнеманн), а затем - учеными из Великобритании (Д. Лэйн, В. Ортоа) [12]. К отечественным исследователям, работавшим над этим вопросом, относятся И.А. Александрова, Т.О. Арчакова, И.А. Баева, С.А. Богомаз (факторы возникновения буллинга), Е.В. Бородкина, И.В. Дробинина, И.А. Кузьмин, О.А. Кузнецова (проблема буллинга в подростковой среде), Д.А. Леонтьев, С.Р. Мадди,

Т.В. Наливайко, Е.И. Рассказова, И.А. Регуш, Р.И. Стетишина (способы профилактики и предотвращения буллинга в подростковой среде) [12].

Сегодня отмечается снижение авторитета личности учителя. Отношение к педагогу резко изменилось не только со стороны взрослых (родителей), но и со стороны детей (учеников). Школьная травля (буллинг), направленная на педагога, порождает в обществе скандалы, в обсуждении которых нет равнодушных. Как учителю действовать в ситуации травли? Достаточно ли ему знаний и законодательно утверждённых прав для защиты? Разберёмся в этом сложном вопросе.

В прошлом году на конференции «Насилие в образовательной среде» эксперты заявили, что 70% педагогов хотя бы раз подвергались насилию и травле со стороны учеников [9]. Национальным институтом экономики было проведено исследование, в котором приняли участие 2800 учителей из 75 регионов России [11]. Выяснилось, что каждый двадцатый педагог – это жертва травли со стороны учеников. Преподавателей дразнили, придумывали обидные «прозвища», демонстративно игнорировали, не стесняясь обсуждали их личную жизнь, специально нарушали дисциплину на занятиях и отказывались учиться [11]. Кто-то из «жертв» делился происходящим с коллегами, другие обсуждали это в семье, и лишь некоторые обращались за помощью к школьному психологу [3]. Таким образом, становится ясно, что современный педагог вынужден защищать не только свой профессиональный статус, но и личное достоинство.

В статье 47 Закона об образовании РФ перечислены права и свободы педагогических работников [6]. В пункте 3.13 прописано право на защиту профессиональной чести и достоинства. В статье 48 Закона об образовании РФ перечислены обязанности и ответственность педагогических работников [5]. Педагог обязан «осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне», «соблюдать правовые, нравственные и этические нормы», «уважать честь и достоинство обучающихся», «развивать у них познавательную активность, самостоятельность, инициативность, творческие способности, способность к труду», «учитывать особенности психофизического развития обучающихся и состояния здоровья», «систематически повышать свой профессиональный уровень», «проходить аттестацию», «соблюдать устав образовательной организации» [5]. Нет ни слова о том, как грамотно вести себя педагогу в случае буллинга. Лишь формально заявлено право на защиту.

При попытке справиться с травлей преподаватель часто попадает в сложную, почти неразрешимую ситуацию. Не знает, как действовать, к кому обратиться за помощью. Интуитивно осознавая, что он должен что-то предпринять для своей защиты, боится нарушить закон, боится гнева родителей и реакции школьной администрации. Без специальных знаний в этом случае не обойтись. Каждый учитель должен иметь представление об основных видах буллинга (открытая или скрытая травля; конфликт; непопулярность; шейминг; прессинг [4]) и методы их предупреждения.

Педагоги-психологи активно анализируют ситуации травли между учениками, но значительно реже обращаются к типичным ошибкам, неверным убеждениям и стратегиям поведения педагогов в ситуации буллинга. Наверное, в

опыте многих школьников был момент, когда в роли жертвы оказывался учитель, а не ученик. Рассмотрим некоторые из них. Какие ошибки может допустить учитель, если он не разбирается в тонкостях этого социально-психологического феномена?

Самая главная ошибка – ждать, что ситуация сама разрешится [10]. В этом случае педагог делает вид, что ничего особенного не происходит. Вызывающее поведение ученика воспринимается как «шалость». Например, на уроке ребёнок систематически нарушает дисциплину. Когда все заняты учебной деятельностью, он неожиданно выкрикивает какое-то слово. Класс реагирует, а учитель делает вид, что ничего не произошло. Всем своим видом показывает, что урок продолжается. С одной стороны, эту выходку можно воспринимать как шалость. С другой стороны, сам факт нарушения норм поведения является вызовом преподавателю. И если он останется безучастным, то другие могут последовать дурному примеру.

Следующий вид неправильной реакции учителя – «оправдывать, объясняя» [10]. Это ещё один способ беспомощно развести руками. Например, ученик в адрес учителя говорит грубые, бранные слова в присутствии одноклассников. Педагог опять не реагирует, но после урока в разговоре с коллегами, обсуждая эту ситуацию, начинает оправдывать своё бездействие фразами: «мы знаем, в какой семье воспитывается этот ребёнок», «мы знаем, как у них принято общаться дома», «что с него взять», «возраст такой». С одной стороны, педагог не может останавливать урок каждый раз и беседовать о морали. При повторе этой ситуации реакция со стороны детей может быть очень разной. С другой стороны, авторитет преподавателя должен быть таким, чтобы ни у кого из учеников в его присутствии не возникало желания совершать подобного рода «подвиги».

Не надо путать «травлю» и «непопулярность» [10]. Учитель не обязан нравиться всем. У него совершенно другая функция - преподавать. Если школьнику не нравится внешность учителя, его голос, методы преподавания, то это не значит, что нужно объявлять ему войну. Но если это уже произошло, педагог не должен идти на поводу у детского коллектива, специально меняться, чтобы соответствовать чужим необоснованным требованиям.

Плохо так же считать травлю проблемой жертвы [10]. Насилие – страшный пожиратель энергии [10]. Преподаватель, который находится каждый день в условиях буллинга, не может профессионально выполнять свои обязанности. При этом страдает не только педагог, но и «маленький террорист». Он, получая опыт безнаказанности, испытывает эйфорию от иллюзии своей силы и правоты. Поэтому ни о каком стремлении к получению знаний речи быть не может. Сплоченный педагогический коллектив должен найти в себе силы, чтобы противостоять агрессорам.

Неверно считать травлю проблемой личности, а не группы [10]. Это заблуждение приводит к тому, что виноватым становится учитель, который испытывает на себе гнев детского коллектива. Каким бы ни был преподаватель, корень зла кроется не в нём, а в особенностях группы. Ведь в другом классе этот же человек может быть любимым учителем. Надо осознавать, что травля – это

болезнь группы. При решении этого конфликта необходимо работать со всеми его участниками.

Абсолютно бессильны призывы к разуму, гуманности и сочувствию [10]. Подобные действия приведут к тому, что авторитет учителя будет окончательно подорван. В глазах детей он будет выглядеть слабым и беспомощным. И это придаст агрессорам ещё больше уверенности. В работе с коллективом следует выяснять причины подобного поведения, так как их устранение поможет избежать дальнейшей конфронтации.

Самая опасная ситуация складывается в тот момент, когда педагог «принимает правила игры» [10]. Это выражается в выборе между дальнейшей виктимностью и агрессией. Педагог также может принимать всю агрессию на себя, терпеть, ждать, когда дети перестанут выплёскивать свои эмоции и перерастут сложный возрастной период. А может выбрать неоднозначный путь – стать не «жертвой», а «агрессором». На самом деле у учителя достаточно рычагов управления детским коллективом. Будучи взрослым, мудрым человеком, он способен создать всему классу «несладкую жизнь» в течение долгого времени. Это изменит ситуацию, но не исправит её. Ни в коем случае учитель не должен поддаваться эмоциям, потому что месть не принесёт облегчения никому.

От ситуации буллинга никто не застрахован. Важно понимать, что бездействие в травле – должностное преступление. Бывают случаи, когда педагог не способен самостоятельно изменить ситуацию. Тогда он должен быть уверен, что может рассчитывать на помощь со стороны школьного психолога, службы медиации и администрации. При счастливом развитии событий педагог может интуитивно найти выход, потушить «очаг агрессии». Кроме того, учитель в ходе профессиональной переподготовки или курсов повышения квалификации должен получать знания об эффективных коммуникативных стратегиях противодействия буллингу. На Западе это одна из самых актуальных проблем в сфере преподавания [7]. И у нас проводятся исследования, на основе которых разрабатываются законодательные акты по защите прав и свобод учителя. Но решение проблемы должно быть системным. И важно сделать всё, чтобы профессия педагога вновь стала престижной.

Список литературы

1. Бурмистрова В.В. Факторы возникновения буллинга и способы его психологической коррекции в подростковой среде [Электронный ресурс] // -2018. – режим доступа: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/6465/1/Бурмистрова%20В.В._ПСХм_160_1a.pdf (дата обращения: 06.05.2019г.)
2. Волкова И.В. Характеристики подросткового буллинга и его определение [Электронный ресурс] // -2016. – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/harakteristiki-podrostkovogo-bullinga-i-ego-opredelenie> (дата обращения (06.05.2019г.)
3. Довиденко А.Е., Третьякова А. П., Мелях А. С., Губарев Л. А., Корба М. В., Алексеева Н. А., Коровина Н. В., Погадаева Т. П. Методические рекомендации по предотвращению буллинга (травли среди сверстников) в детских коллективах

[Электронный ресурс] // - 2014. – режим доступа: http://www.family2children.ru/upload/file/NN_metod_Bulling.pdf (дата обращения: 06.05.2019г.)

4. Ефимова А. Как в школах травят учителей и почему об этом почти никто не говорит [Электронный ресурс] // - 2018 - режим доступа: https://mel.fm/bulling/1580972-school_bullying (дата обращения: 05.05.2019г.)

5. Закон об образовании РФ. Статья 48 Обязанности и ответственность педагогических работников [Электронный ресурс] // - 2019. – режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/48.html> (дата обращения: 05.05.2019г.)

6. Закон об образовании РФ. Статья 47 Правовой статус педагогических работников. Права и свободы педагогических работников, гарантии их реализации [Электронный ресурс] // - 2019. – режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/47.html> (дата обращения: 05.05.2019г.)

7. Интервью и прямые линии. Почему на Западе травля аутсайдеров в школах такая «хардкорная» в отличие от России? [Электронный ресурс] // - 2017. – режим доступа: <https://thequestion.ru/questions/312084/pochemu-na-zapade-travlya-autsaiderov-v-shkolakh-takaya-khardkornaya-v-otlichie-ot-rossii> (дата обращения: 05.05.2019г.)

8. Макарова Ю.Л. Теоретические подходы к определению буллинга [Электронный ресурс] // - 2017. – режим доступа: <https://nauchforum.ru/conf/psy/x/25088> (дата обращения: 06.05.2019г.)

9. Новости на «Меле». Опрос ВШЭ: 70% учителей становились жертвами травли со стороны учеников [Электронный ресурс] // - 2018. – режим доступа: <https://mel.fm/novosti/8751603-travlya> (дата обращения: 05.05.2019г.)

10. Петрановская Л. Травля [Электронный ресурс] // - 2016. – режим доступа: <https://www.pravmir.ru/travlya-1/> (дата обращения: 05.05.2019г.)

11. Терешатова Е. Каждый 20-й учитель—жертва травли со стороны учеников. Результаты исследования [Электронный ресурс] // - 2018. – режим доступа: <https://medium.com/direktoria-online/bullying-28c8b7919d94> (дата обращения: 05.05.2019г.)

Шалагитова К.С., Куликова Т., Черкасова С.А. Теоретико-методические основы деятельности педагога- психолога по предотвращению буллинга в школах Тульского региона: гендерно – возрастной аспект [Электронный ресурс] // - 2014. – режим доступа: <http://015a6a4a47a50b3.ru.s.siteapi.org/docs/528380dfad451ce92b6f1cb266cf74ef091b39ed.pdf> (дата обращения: 06.05.2019г.)

Шаповалова В.Г., Карташова Г.М., студенты II курса, специальность «Клиническая психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель - кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.

Теоретический анализ влияния структурной деформации семьи на формирования виктимного и других видов отклоняющегося поведения у детей

Главным социальным институтом воспитания детей является семья. Всё то, что ребенок приобретает в семье (качества, различные модели поведения и т.д.) он сохраняет в течение всей последующей жизни. Именно в семье человек проходит важнейший этап своего развития и становления как личности, усваивает определенные нормы поведения, господствующие в обществе. Следует отметить, что ни один иной социальный институт не оказывает столь сильного влияние на развитие ребенка. При этом многие зарубежные и отечественные исследователи выделяют неблагополучную семью как один из главных факторов риска формирования девиантного поведения детей и подростков.

Основными формами проявления девиантного поведения несовершеннолетних выступают: плохая успеваемость в учебной деятельности, деструктивное отношение к окружающим, наркомания, детский алкоголизм, суицидальное поведение, ранние половые контакты, ненормативная лексика и т.д. Специфика девиации несовершеннолетних заключается в том, что само отклоняющееся поведение представляет собой результат неспособности подростка перевести негативные по своему содержанию побуждения в социально приемлемые, соответствующие нормам и правилам, выработанными обществом.

Любая деформация семьи приводит к негативным последствиям в развитии личности ребенка, а именно нарушается ролевая структура семьи, уменьшается уровень эмоциональной привязанности, происходят различные нарушения коммуникативных процессов и т. д. Всё это порождает дисфункциональные детско-родительские отношения, к которым подростки очень чувствительны. Деформация семьи может привести к девиациям развития личности и спровоцировать ее виктимное поведение.

В современном мире принято выделять два типа деформации семьи: структурную и психологическую (психосоциальную). Структурная деформация семьи есть не что иное, как нарушение ее структурной целостности, что в настоящее время связывается с отсутствием одного из родителей, либо с наличием в семье родителей одного пола. Психологическая деформация семьи связана с нарушением системы межличностных отношений в ней, а также с принятием и реализацией в семье системы негативных ценностей, асоциальных установок и т.п.

На данный момент времени существует огромное количество исследований, описывающих влияние фактора неполной семьи на личность ребенка. Так было установлено, что мальчики намного острее воспринимают отсутствие отца, чем

девочки. В таких семьях мальчики более беспокойны, агрессивны и задиристы. Особенно сильно заметна разница между мальчиками в семьях с отцами и без них в первые годы жизни детей. В одном из исследований было показано, что двухлетние дети, чьи отцы умерли еще до их рождения, живя с матерями-вдовами, были менее самостоятельны, проявляли тревожность и агрессивность в большей степени, чем дети, у которых были отцы [4]. При изучении детей старшего возраста выяснилось, что поведение мальчиков, чье детство прошло без отцов, оказалось менее мужественным в сравнении с теми, у кого были отцы. С другой стороны, оказалось, что поведение и личностные особенности девочек, выросших только с матерями, мало чем отличается от тех, кто жил в полной семье.

Рассматривая структурную деформацию семьи, мы решили сконцентрировать наше внимание на относительно новую форму данного явления – на семьи с однополыми родителями. В исследованиях Европейских и Американских ученых данный подход получает всё большую популярность. На данный момент среди ученых сложилось абсолютно полярное мнение по поводу качества воспитания детей в однополых семьях; ещё в 1987 году психолог Фредерик Бозетт со своими коллегами смог доказать, что воспитание детей гомосексуальными родителями не оказывает отрицательного влияние на данный процесс [6]. Но, с другой стороны, исследования Тимоти Дейли, наоборот, доказали, что мужская гомосексуальность коррелирует с педофилией, и, следовательно, воспитание в подобных семьях имеет определённые риски [7]. Относительно недавно, в 2012 году в Техасском университете США прошло обширное исследование уровня благополучия детей в гетеро и гомосексуальных парах, в котором приняло участие более 2000 семей. В конечном итоге, ученые сошлись на выводе, что дети, воспитанные в однополых семьях, оказались более склонны к деструктивным действиям, чем дети, воспитанные в гетеросексуальных семьях. Такие дети оказались более склонны к совершению суицидальных действий: до 24 % взрослых детей из однополых семей недавно планировали самоубийство, для детей из гетеросексуальных семей такой процент составил 5 %. Около 30 % детей принуждались к сексу против их воли, в том числе со стороны родителей (8 % для «обычных» детей). 28 % таких детей сталкиваются с социально-экономическими проблемами, большинство из них живет на государственные пособия и не имеют работу на полное время. 70 % таких детей имеют расстройство сексуальной самоидентификации [12].

К сожалению, в настоящее время в России невозможно получить достоверно статистических данных касаясь детей, воспитанных однополыми родителями, в связи с государственной политикой, данный феномен отсутствует в статистической базе РФ. Но в тоже время в больших городах страны тенденция к созданию однополых семей неуклонно возрастает.

Так же в последнее время большое внимание уделяется детям, появившимся благодаря репродуктивным технологиям, в частности ЭКО и ИКСИ. В мире не утихают споры о полноценности появившихся таким образом индивидов, споры о наличии или отсутствия отклонений развития.

В 2015 году в газете «Московский комсомолец» было опубликовано интервью с академиком РАН Михаилом Давыдовым, который отметил, что «до 70 % детей, рожденных в результате экстракорпорального оплодотворения больны: слабовидящие, слабослышащие, у них плохо развита иммунная система, многие не способны на хорошем уровне учиться в школе» [5]. Одними из самых ужасных последствий ЭКО являются, мертворождение, генетические и эпигенетические нарушения, риск врожденных пороков у детей [2, с. 309]. Специалисты института репродуктивной медицины им. Джонса, медицинской школы Восточной Вирджинии и Национального института Балтимора (Мэриленд) исследуя детей «из пробирки», пришли к выводу, что такие дети более склонны к психическим отклонениям (31,2 %), страдают от синдрома дефицита внимания (27,1 %), депрессии (16,6 %) и алкоголизма (11 %), но в то же время реже курят (14 %) и чаще занимаются спортом (92 %) [9, с. 2046].

В ответ на это, репродуктологи заявили, что дети, рожденные с помощью современных технологий зачатия, обладают более высокими физическими показателями здоровья, а возникающие психические проблемы они связывают со сверхсильной опекой внутри семьи. В 2010 году американский доктор Бредли Воорхис со своей командой, проведя исследования среди детей, зачатых естественным и искусственным путем, пришла к выводу, что данные дети не просто равнозначны в своей полноценности, но и вторые имеют превосходство в определенных показателях. Исследовав 423 ребенка, зачатых с помощью ЭКО, и 372 ребенка, зачатых естественным путем, ученые пришли к выводу, что дети из первой группы показывают более высокие результаты умственной активности [11, с. 2609]. В то же время отдельные исследователи пришли к выводу, что число детей, рожденных с помощью репродуктивных технологий, больше страдают расстройствами аутистического спектра в сравнении с «обычными» детьми, а также подвержены таким формам аддикции, как виктимность и презентеизм [10, с. 497].

Так же под пристальное внимание исследователи попадают дети, которые были рождены при помощи привлечения суррогатной матери. В данном случае больше преобладает проблема этического характера над медицинским. Многие психологи придерживаются мнения, что сам факт того, что женщина будет вынуждена передать ребенка в другие руки после его рождения, уже заведомо вызывает нарушение в психическом здоровье суррогатной матери. Подобное чувство угрозы является одним из предикатов психической неполноценности дитя, в конечном итоге это благоприятная почва для возникновения серьезных патологий развития. В 2013 году профессор Кембриджского университета Сьюзен Голомбок и ее коллеги провели исследование 30-ти семей, воспитывающих детей 3, 7 и 10 лет, которые воспользовались услугами суррогатного материнства. В результате исследовательская команда пришла к выводу, что дети, рожденные от суррогатной матери, имеют проблемы адаптивного характера и определенные поведенческие расстройства, часто проявляют агрессию по отношению как к себе, так и к окружающим, в большей степени совершают антисоциальные действия, становятся виктимайзерами в преступных ситуациях, имеют эмоциональные проблемы, такие как тревога, напряженность и депрессия [8, с. 653].

Таким образом, учитывая вышеизложенные позиции, можно отметить, что даже благополучная семья, с детьми, рожденными «нетрадиционными способами», может быть фактором риска виктимного или противоправного поведения.

Несмотря на то, что в современном научном обществе психосоциальная деформация семьи занимает главенствующее место в формировании дэвиантного поведения детей, некоторые отдельные аспекты структурной деформации семьи начинают приобретать большую актуальность, связанную с появлением и прогрессивным развитием ее новых форм. Произведенный нами теоретический анализ европейских и американских исследований позволил нам предположить, что структурная деформация семьи оказывает непосредственное влияние на формирование различных форм делинквентного поведения, а в частности вектимизации.

Вместе с тем, не стоит забывать о том, что субъектами виктимологической профилактики несовершеннолетних, в первую очередь, являются их родители, учителя и педагоги [3, с. 22]. Более четкое оформление факторов, содействующих вектимизации несовершеннолетних, своевременное определение угроз, являющихся продуктом социального развития современного общества, позволят предопределить наиболее эффективный вектор превентивных мероприятий, направленных на развитие навыков безопасного поведения в различных социальных ситуациях.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Причины преступного поведения. М., 1992. — 207 с.
2. Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Беляева И.А., Бамбардирова Е.П., Смирнов И.Е. Медико-социальные проблемы вспомогательных репродуктивных технологий с позиции педиатрии / Вестник РАМН. — 2015. — № 70(3). — с. 307-312.
3. Майоров А.В. Виктимологическая профилактика в отношении несовершеннолетних // Правопорядок: история, теория, практика. — 2013. — № 1(1). — С. 20 — 23.
4. Массен П., Конджер Дж., Каган Дж., Хьюста А. Развитие личности ребенка М., Прогресс, 1987. С. 59—73.
5. Газета «Московский комсомолец» № 26802 от 30 апреля 2015 г.
6. Bozett F. «Gay and Lesbian Parents» (Praeger Paperback, 1987) / <https://www. questia.com/read/27454064/gay-and-lesbian-parents> (Дата обращения 24.04.2019 г.).
7. Dailey Timothy J. / Homosexual Parenting: Placing children at risk. / <http:// www.orthodoxytoday.org/articles/DaileyGayAdopt.php> (Дата обращения 24.04.2019 г.).
8. Golombok, Susan et al, "Children born through reproductive donation: a longitudinal study of psychological adjustment". Journal of Child Psychology and Psychiatry 54:6(2013): 653-660.
9. Hind A. Beydoun, Nicholas Sicignano, May A. Beydoun, David O. Matson, Silvina Bocca, Laurel Stadtmuer, Sergio Oehninger. A cross-sectional

evaluation of the first cohort of young adults conceived by in vitro fertilization in the United States / *Fertility and Sterility journal*, Vol. 94, Issue 6, p. 2043-2049.

10. Hvidtjorn D., Grove J., Schendel D. Risk of autism spectrum disorders in children born after assisted conception: a population based follow up study. *J. Epidemiol. Community Health* / - 2011. - 65(6): 497-502.

11. Mains L. Zimmerman J. Blaine B. Stegmann A. Sparks T. Ansley B. Van Voorhis. Achievement test performance in children conceived by IVF / *Human Reproduction*, Volume 25, Issue 10, 1 October 2010, p. 2605-2611.

12. Regnerus Mark. How different are the adult children of parents who have same-sex relationships? Findings from the New Family Structures Study / *Social Science Research* 41 (2012) 752—770 / <http://www.baylorisr.org/wp-content/uploads/Regnerus>. (Дата обращения 24.04.2019 г.).

Шибко А.Н. студент IV курса, специальности «Клиническая психология».

г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.

Осанка как один из показателей виктимности личности

Безусловно, каждый из нас задумывается о личной безопасности. В учебных пособиях очень много советов о том, как снизить риск нападения, например, простые общеизвестные советы: не ходить одному по неосвещенной местности по ночам. Есть более действенные и универсальные правила, позволяющие снизить риск подвергнуться нападению как женщинам, так и мужчинам, а также улучшить социальное взаимодействие. В данной статье речь пойдет об «осанке жертвы» как одном из возможных факторов виктимности личности.

Понятие «осанка жертвы» является одним из множества компонентов, на которые ориентируется нападающий при выборе потенциальной жертвы. Мы надеемся, что вы внимательны и оцениваете ситуацию, когда находитесь на улице или любом другом месте [5, с .132]. Но, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, как бандиты, грабители и т.д. выбирают себе жертву? Почему один человек привлекает внимание грабителей, бандитов, и его оценивают, как потенциальную жертву противоправного деяния, и является «легкой мишенью», а другой человек по каким-то критериям не попадает под данную категорию людей, то есть является «сложной мишенью». Чтобы ответить на эти вопросы, давайте разберемся, что же такое «сложная мишень». Это труднодостижимая цель, для достижения которой, преступнику нужно приложить намного больше усилий [3, с 28-29].

Приводим набор паттернов, которые делают из человека «простую мишень»:

1. простая мишень находится не в настоящем времени и, как следствие, не замечает слежки, признаков ритуала атаки;

2. жертва думает, как жертва и, следовательно, ведёт себя как жертва;
3. сутулится;
4. говорит тихо, невнятно;
5. не смотрит в глаза;
6. ходит несогласовано, неуклюже;
7. простая мишень ходит в тех местах, где ходить не следует и так далее [3, с 30]

Главный критерий «сложной мишени» по словам Джеффа Томпсона: «насколько человек осознаёт грозящую ей опасность» [3, с.29]. Речь идет о том, что, наблюдая окружение в настоящем времени, человек заранее может заметить опасность. Виктимология, то есть наука о поведении жертвы, может объяснить, чем руководствуется уличный грабитель или насильник при выборе жертвы. Исследования показывают, что преступнику требуется в среднем семь секунд для оценки потенциального объекта нападения – его физической подготовки, темперамента и т. п. Преступник отмечает в потенциальной жертве все: неуверенность взгляда, несмелость движений, вялую осанку, физические недостатки, психическую подавленность, утомление и так далее. Любой может оказаться в опасности, когда испытывает физическое недомогание, усталость или переутомление, неприятности дома или на работе. Все это снижает стрессоустойчивость человека, ослабляет сопротивляемость, ухудшает восприятие реальности, снижает внимание и бдительность, потому что человек просто не ожидает того, что на него могут внезапно напасть [4, с.48].

Надо помнить, что каждый из нас является хищником и жертвой одновременно. И мы также можем видеть в других людях повадки жертвы. Нужно понимать, что он нашей внутренней уверенности и установки зависит то, какое решение мы примем в экстренной ситуации. Чтобы выяснить основные паттерны поведения человека - потенциальной жертвы, на видеопленку были засняты пешеходы. Запись была продемонстрирована заключенным, отбывавшим срок за различные преступления. Подавляющее большинство осужденных, которые были опрошены по отдельности, выбрали из массовки одних и тех же людей, которые, по их мнению, могли бы стать легкой добычей. Тем самым, в данном исследовании выяснилось, что потенциальную жертву преступники обычно выделяли по некоторым отличительным особенностям движений. Это была их общая несогласованность, неуклюжесть походки – слишком размашистая или семенящая. Были определены две категории людей: так называемая «группа риска». Их условно можно назвать «хлюпиками»: они плохо физически организованы, расслаблены, взгляд у них нервный, бегающий, и те, кому практически не грозит опасность стать объектом нападения. Люди из этой группы были уверены в себе, смотрели и ступали уверенно, взгляд был спокойным, целенаправленным, сосредоточенным [4, с.79].

Так что же делать и какие меры предосторожности соблюдать, чтобы не попасть в ту самую группу риска? Прежде всего, важно знать, какое поведение может помочь избежать столкновения со злоумышленниками. На этот вопрос помогает ответить следующая таблица:

Таблица 1.

Особенности поведения жертвы и не-жертвы

Жертва	Не-жертва
Торопливая, нервная улыбка	Спокойная улыбка, уверенное выражение лица
Нервная поза	Спокойная поза
Тихий, мямлящий голос	Уверенный тон
Руки все время в беспокойном движении	Редкие и спокойные движения рук
Сгорбленная поза, вялая осанка	Подтянутая, расслабленная и устойчивая поза
Нервный, бегающий взгляд	Спокойный и прямой взгляд
Несогласованность, неуклюжесть походки (слишком размашистая или семенящая)	Легкая спортивная походка, бодрость, энергичность движений

В данной статье хотелось бы подробнее поговорить об осанке, как одном из компонентов поведения потенциальной жертвы. Осанка — это привычная вертикальная поза человека в покое и при движении, это то положение тела, которое регулируется бессознательно. Человек имеет только одну, присущую только ему привычную осанку. Осанка обычно ассоциируется с выправкой, привычной позой, манерой держать себя.

Теперь становится понятно, почему человек, думая, как жертва в течение длительного времени, приобретает осунувшуюся осанку, ясно показывающую, что он — жертва? Потому что мозг человека постоянно посылает нужный сигнал. Можно немного поразмыслить и прийти к интересному выводу: «Если я не могу перестать быть жертвой, думать, как жертва — то, возможно, мне нужно начать с осанки? И, выровнявшись, изменятся мои мысли?». Можно ли изменить осанку, работая именно с телом, а не с умом и не ощущением «жертвенности»? Можно, но сложно. И для этого надо учесть несколько моментов. Во-первых, нужно начинать не только с мысли «нужно держать осанку», но и с соответствующей «прямой» осанке эмоции. Как говорил Чарльз Дарвин в своей книге «Эмоции людей и животных»: «Определенные движения и позы (иногда в значительной степени) способны вызывать соответствующие эмоции... Примите печальную позу, и через некоторое время вы будете грустить... Эмоции побуждают к движению, но и движения вызывают эмоции...» [1, с. 186].

Человек становится жертвой еще и по той причине, что, имея плохую осанку значительно легче подчиняется, например, человек с плохой осанкой подсознательно подчиняется человеку с прямой осанкой. Это происходит

бессознательно, так, например, человек, который провинился, автоматически склоняет голову, поклон в знак уважения и подчинения.

Таким образом, облик жертвы как человека со сгорбленной осанкой это не прихоть и не фантазии. Это отголоски древних времен, когда речи как таковой не было, а выяснить, кто главный было необходимо, и выяснялось это по положению тела и головы. Соответственно, чтобы ещё больше усложнить себя как мишень вы можете с помощью правильной осанки. Конечно, правильная осанка не являются стопроцентным условием того, что вы никогда не станете жертвой преступления, но являются основополагающими в вопросе виктимности личность, так как напрямую отражают самооценку человека и его положение в обществе.

Список литературы

1. Дарвин Ч., Экман П. О выражении эмоций у человека и животных: [пер. с англ.] /. - 4-е изд. - СПб. : Питер, 2013. – 315 с.
2. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 1008 с: ил. — (Справочник практического психолога).
3. Томпсон Д. Курс выживания в большом городе. Пособие по самообороне/Серия «Только для женщин».- Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 320 с.
4. Христенко В.Е. Психология поведения жертвы: учебное пособие / Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 416 с.
5. Andrew Karmen Crime Victims: An Introduction to Victimology. Brooks/Cole Publishing Company, 1984. 269 pp.

Юдичева Е.Д., студент II курса, направление «Психология», г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель – доцент кафедры «Психология труда и клиническая психология» Становова Л.А.

Факторы, обуславливающие виктимное поведение военнослужащих по призыву

Виктимность - это повышенная способность человека, в силу его социальной роли и ряда физических и духовных качеств, при определенных обстоятельствах становиться потерпевшим [1].

Прежде всего, виктимность военнослужащих определяется возрастными особенностями молодого человека призывника, обуславливающими недостаток социального опыта. В соответствии с Федеральным Законом о воинской обязанности и военной службе на срочную службу призываются люди, достигшие 18-летнего возраста [9]. Однако, психическая деятельность, формирующаяся в постнатальном периоде развития человека, проявляет особенно бурное развитие в период до 21-22 лет [3]. Таким образом, мы видим, что на службу призываются лица, формирование психики которых ещё не завершено. О том, что военнослужащий в данном возрасте с трудом может найти выход из конфликтной ситуации говорят следующие данные: 28% пострадавших в первые дни выражали

мысли о побеге, 12% - о самоубийстве, 7% - о физической расправе над обидчиком [5]. Это, разумеется, является одним из ключевых факторов виктимизации военнослужащих по призыву.

Во-вторых, присущие данному возрастному периоду особенности определяют формирование правосознания военнослужащего, что выражается в неумении сопоставлять собственное поведение с законом, переоценке роли мотива поведения и недооценке объективной общественной опасности, а также обуславливают зависимость от мнений окружающих в вопросах самосознания и соблюдения норм права.

В-третьих, виктимность воинов носит вынужденный характер, т. е. виктимизация навязывается извне: ярким примером является проявление так называемый дедовщины во время физических упражнений, при которых старослужащие могут выходить за рамки уставных взаимоотношений.

В-четвёртых, виктимность военнослужащих подразумевает, что преступник, как и жертва, являются мужчинами, то есть носит мужской характер.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что виктимность военнослужащих складывается из особенностей социального положения, материально-бытовых условий, характера деятельности. Предрасположенность к виктимному поведению в условиях армейской жизни создают также переутомление, сверхмобилизованность на определённые действия, отсутствие полноценного ночного отдыха, совместное проживание или время препровождения в ограниченном пространстве [6]. Виктимность военнослужащих это специфический феномен, так как его изучение затрудняется латентностью правонарушений [7]. Особое место в сложной совокупности социально-психологических явлений, происходящих в воинских коллективах, занимает личность военнослужащего, которая является основным индикатором, позволяющим понять специфику функционирования различных сторон жизнедеятельности воинского подразделения, ведущих к виктимизации. Особенности поведения потерпевших позволяют составить психологический портрет виктимизированного воина, который включает в себя следующие виктимные качества [8]:

1. мотивационные качества, такие как чрезмерная мотивация достижения, ведущая к появлению «сдвига к риску», что является виктимным качеством, так как ведет к необоснованному поведению.

2. познавательные качества, такие как трудность распределения и концентрации внимания, ригидность мышления, малая сообразительность.

3. эмоциональные качества, такие как эмоциональная неуравновешенность, повышенные тревожность и страх, склонность к аффективному реагированию.

4. качества, характеризующие двигательную активность человека, такие как замедленная реакция, склонность к тормозным реакциям.

5. качества, проявляющиеся в общении в воинском коллективе, такие как сверкомформность, повышенная внушаемость, застенчивость, самонадеянность, агрессивность, грубость, жестокость.

Таким образом, мы делаем вывод, что преступному насилию подвергаются, как правило, военнослужащие по призыву более молодые по возрасту и более позднего срока призыва; находящиеся в адаптации к армейским условиям, характеризующиеся в личностной сфере как недисциплинированные, болезненно реагирующие на замечания, легко возбудимые, неисполнительные, вспыльчивые, часто отличающиеся ригидностью мышления, а также имеющие низкую общественную активность [2]. Так, 78% пострадавших характеризуются как слаборазвитые в физической и интеллектуальной сферах, 56% пострадавших характеризуются как неряшливые, 64% - как имеющие слабую строевую подготовку. Большинство пострадавших своим поведением в быту и отношением к службе давало повод старослужащим для формальных, но по своей форме законных, придинок [4].

Своевременное выявление данных качеств, а также знания о принципах виктимизации в воинском коллективе должны помочь лицам, формирующим воинский коллектив в предотвращении процессов виктимизации аутсайдеров и предотвращение неправомерных действий по отношению к ним.

Список литературы

1. Алауханов [Е. Криминология. Учебник. – М.: Алматы. - 2008. - 429 с.](#)
2. Военная педагогика и психология / Под ред. А. В. Барабанщикова. -М.: Воениздат, 1986. - 400с.
3. Еникеев М.И. Юридическая психология (с основами общей и социальной психологии). – М.:СПб - 2004 – 640 с.
4. Макаренко И.А. Индивидуально-психологические особенности личности как фактор, определяющий виктимное поведение военнослужащих по призыву. Дисс. канд. психол. наук – М.: Калуга-Смоленск. – 2014 – 62 с.
5. Неуставные взаимоотношения между военнослужащими по призыву как объект психодиагностического изучения./ Ежегодник РПО: материалы 3 Всероссийского съезда психологов с 25 по 28 июня 2003 года в 8 томах. -СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003 г. - том 1. - С. 237-241.
6. Радионова С.В. Девиантное поведение как компенсаторное поведение при неуспешной социализации военнослужащих / С.В. Радионова // Война и здоровье: боевой стресс: Сб. науч. трудов / под ред. И.Б. Ушакова, Ю.А. Бубеева. – М.: Иркутск - 2006. - С. 265-268.
7. Рындина О.Г. Социально-психологическая готовность допризывной молодежи к службе в Российской армии. Дисс. канд. психол. наук. - М.: Чебоксары. - 2006. – 175 с.
8. Современная военная психология: Хрестоматия / Сост. А.А. Урбанович. -М.: Харвест. - 2003. – 576 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. N 149S «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации

ВИКТИМНОСТЬ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

*Материалы круглого стола по дисциплине «Психология
отклоняющегося поведения»*

Отпечатано с авторских оригиналов

Подписано в печать 29.05.2019. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 4,4. Заказ № 205.

Изданно в электронном виде

Редакционно-издательское управление

Тверского государственного университета

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.

Тел. РИУ (4822) 35-60-63.